

ГЛАВА IV.

Днѣстръ. Жванецъ. Историческія свѣдѣнія. Мошинецъ. Вечеръ у поссесора. Контрабанда. Посѣщеніе незнакомаго еврея. Нагоряны. Преданіе о Тоблоцкѣ. Бузовица. Богатая невѣста. Молодые парни. Комарово. Преданіе о Бальбинѣ. Поѣздка въ Студеницу. Древности. Встрѣча съ богомольцами. Сцена на утесѣ.

Селенія и деревни по днѣстровскому побережью отличаются красотой мѣстоположенія, и потому было бы излишнимъ вдаваться въ описаніе великолѣпныхъ пейзажей, столь интересныхъ подъ кистью художника и столь однообразныхъ и утомительныхъ подъ перомъ туриста. Днѣстръ имѣетъ ту особенность, что течетъ между скалистыми берегами, а ни что столько не придаетъ красоты картинѣ, какъ утесы, окруженные богатой растительностью. Даже тамъ, гдѣ обрывы не покрыты лѣсомъ, оригинальныя формы камней и очертанія скалъ, нависшихъ надъ водою, при всей суровости своего характера, сообщаютъ мѣстности много живописнаго. Не разъ мнѣ, да и, вѣроятно, не одному изъ читателей, приходилось слышать восклицаніе восторга при самомъ обыкновенномъ пейзажѣ, конечно, отъ людей, постоянно жившихъ въ городѣ. Но что же сказали бы при видѣ днѣстровскихъ береговъ люди, которые восхищаются окрестностями болотной рѣчонки и убогими группами жалкихъ деревьевъ, разбросанныхъ возлѣ навознаго поля! Слова нѣтъ, и бѣдный пейзажъ, напримѣръ, въ окрестностяхъ Петербурга не лишенъ пріятности, но такіе виды, какъ по Днѣстру, можно развѣ найти въ европейской Россіи въ Крыму да въ Финдландіи.

Да не упрекнетъ меня читатель въ пристрастіи къ приднѣстровскому побережью: во первыхъ, я не уроженецъ тѣхъ мѣстъ, во вторыхъ, поѣздилъ довольно по южной и западной Россіи, а, въ третьихъ, посѣтилъ Бессарабію уже въ тѣ годы, когда прошла пора безотчетныхъ увлеченій, въ которую видится все въ розовомъ цвѣтѣ и сквозь призму очарованія.

Положа руку на сердце, я говорю — нѣкоторыя мѣста надъ Днѣстромъ такъ хороши, что просятся на полотно и съ нетерпѣніемъ ждутъ даровитаго пейзажиста. Я даже не увлекался ими съ точки зрѣнія живописца, потому что не рисую, но онѣ благотворно дѣйствовали на душу во время одинокихъ скитаній, и, когда какая нибудь людская выходка возмущала, красоты природы вѣяли на меня чѣмъ-то, если не примирительнымъ, то успокоивающимъ. Кто самъ занимался изученіемъ народнаго быта, кто принималъ близко къ сердцу судьбы и интересы »меньшихъ братій«, тотъ знаетъ, что немного веселаго выпадаетъ на долю наблюдателя. Въ моихъ путешествіяхъ по невѣдомымъ селамъ развлеченія не представлялось никакого; слѣдовательно роскошный пейзажъ былъ для меня истиннымъ наслажденіемъ, и я по цѣлымъ часамъ просиживалъ на какомъ нибудь утесѣ надъ Днѣстромъ, любуясь и закатомъ солнца, и луною, столь злобно осмѣянною прежними критиками, но тѣмъ не менѣе прекрасною, когда она плыветъ по темноглубому южному небу.

Здѣсь считаю необходимымъ оговориться, что преимущественно жилъ я по правому бессарабскому берегу, а лѣвый, или подольскій, и херсонскій посѣщалъ по временамъ, разсчитывая пожить подольше и тамъ въ свою очередь, но вскорѣ былъ отозванъ для исполненія другой обязанности *). Вслѣдствіе этого я буду говорить не о многихъ мѣстностяхъ Подольской губерніи, зато могу сообщить историческія свѣдѣнія, благодаря польскимъ источникамъ, въ которыхъ занесены малѣйшія деревеньки, входившія въ составъ того или другаго воеводства.

Такъ, на примѣръ, разставаясь съ Хотиномъ, я не могу не упомянуть о мѣстечкѣ Жванцѣ, лежащемъ на противоположномъ берегу, на самой переправѣ, довольно жалкомъ мѣстечкѣ, но игравшемъ важную роль во время хотинской войны — одного изъ кровавыхъ эпизодовъ польской исторіи.

»Въ 1431 году была это деревня, подаренная Ягелломъ дворянину Свичку изъ Лечина, который продалъ ее Теодорику Язловецкому. Во время хотинской войны гетманъ Ходкевичъ въ 1621 году, въ началѣ августа, началъ недалеко наводить мостъ черезъ Днѣстръ, какъ разнеслась вѣсть, что гетманъ приказалъ разорить Жванецъ — наслѣдіе Калиновскихъ. Лакомый до грабежей, лагерный сбродъ ограбилъ и

*) См. „Морск. Сборн.“ іюльская книжка, офф. отд., стр. 93.

разорилъ не только мѣстечко, но и нѣсколько окрестныхъ селеній. 3 сентября переправился здѣсь королевичъ Владиславъ, желая ободрить отрядъ, стоявшій подъ Хотиномъ; армія же его могла переправиться только 6-го на плотахъ и лодкахъ. По заключеніи мира голодное и изнеможенное войско, возвратившееся съ останками Яна-Карла Ходкевича, отдыхало 13 октября подъ Жванцемъ. Новый владѣлецъ, Станиславъ Лянцкоронскій, кастелянъ галицкій, началъ отстраивать Жванецъ, что и подтвердилъ Владиславъ IV тѣмъ охотнѣе, какъ выражается онъ въ привилегіи, »что мѣстечко пограничное и укрѣпленное съ немалыми издержками«. Владиславъ ввелъ магдебургское право, далъ магистрату печать съ гербомъ (не объяснено какую), разрѣшилъ по понедѣльникамъ базары и 4 ярмарки въ годъ; на нѣкоторыя дозволилъ пріѣзжать людямъ всѣхъ сословій и *вѣроисповѣданій*. Желая отомстить казакамъ за пораженіе подъ Батогомъ, Янъ-Казиміръ едва сталъ здѣсь осенью 1653 г., какъ увидѣлъ себя окруженнымъ войсками Хмельницкаго и татарами. Постоянные труды, стычки и болѣзни, опустошавшія ряды, предсказывали полякамъ окончательную гибель. Пришлось наконецъ заключить миръ съ татарами, обѣщавъ имъ выплатить 100,000 червонцевъ въ теченіе полугода. По уходѣ своихъ союзниковъ и казаки примирились, выговоривъ себѣ сохраненіе зборовскаго трактата. Въ началѣ августа 1672 г., подвигаясь внутрь края, турки овладѣли мѣстечкомъ. Занятый мыслью завоеванія Молдавіи, Янъ III, остановясь подъ Жванцемъ въ 1684 г., велѣлъ наводить мостъ; по случаю прибыли воды долженъ былъ отмѣнить походъ и только въ слѣдующемъ году перешелъ черезъ Днѣстръ съ войскомъ. Посланный въ 1688 г. для освобожденія Каменца отъ турокъ, великій гетманъ коронный, Яблоновскій, соединясь съ великимъ гетманомъ литовскимъ, Сапѣгой, построилъ здѣсь войско въ боевой порядокъ и такимъ образомъ устремился на крѣпость, отбиваясь отъ многочисленныхъ ордъ татарскихъ. По возвращеніи отъ турокъ, въ 1699 году, Подолія начала дышать свободнѣе и Жванецъ началъ населяться преимущественно армянами, оживившими торговлю и промышленность. Но во время барской конфедераціи мѣстечко снова подверглось страшному опустошенію, что видно изъ постановленія сейма 1775 г. »Наслѣдственный городъ Матвѣя Лянцкоронскаго, брацлавскаго воеводы, во время войны проходившими войсками сожженъ до основанія, такъ что, гдѣ было цвѣтущее населеніе съ замкомъ, тамъ теперь торчатъ

однѣ печальныя развалины. Желая помочь такому упадку и чтобы разсѣянные жители могли удобнѣе собраться и устроиться на развалинахъ, возстановить торговлю и дойти до прежняго положенія, увольняемъ городъ съ окрестностями отъ всѣхъ общественныхъ податей на 12 лѣтъ, съ 1769 г. включительно». Во время пребыванія своего въ Каменцѣ, въ 1781 г., король Станиславъ-Августъ прїѣзжалъ сюда 14 ноября для обозрѣнія опустошеннаго замка и хотинской крѣпости, лежащей на противоположномъ берегу Днѣстра» (Starozytna Polska pod wzgledem historycznym, geograficznym i statystycznym, opisana przez Michała Balińskiego i Tymoteusza Lipińskiego, Т. II, стр. 949—951).

Теперь это мѣстечко съ древнимъ костеломъ, бывшимъ армянскимъ *), и развалинами стариннаго укрѣпленія, на скалистомъ берегу Днѣстра, населено преимущественно евреями, которые торгуютъ всевозможными товарами, необходимыми простолюдину. Здѣсь же, внизу, большая лѣсная пристань, куда пристають плоты, идущіе изъ Австріи съ еловымъ лѣсомъ. Вся главная улица вдоль большой каменецкой дороги застроена еврейскими корчмами и заѣздными домами. На окраинѣ мѣстечка живутъ крестьяне довольно бѣдно и вступаютъ съ евреями въ соперничество по торговлѣ, но только торгуютъ съѣстными припасами. Еврей-старожиль, у котораго я останавливался, доказывалъ, — и я охотно ему вѣрю, — что какимъ бы промысломъ ни заниматься въ Жванцѣ, только что можно прожить и свести концы съ концами. Мѣстечко это, стоящее близко между Каменцомъ и Хотиномъ, имѣетъ лишь нѣсколько дней въ году прибыльныхъ для торговли — это во время наводненія Днѣстра, въ продолженіе котораго нѣтъ переправы. Во первыхъ, всѣ проѣзжіе останавливаются по заѣзднымъ домамъ, а, во вторыхъ, цѣны на всѣ предметы удваиваются мгновенно. Мнѣ случилось однажды захватить лишь нѣсколько часовъ этой невзгоды. Вода шла быстро на убыль, но нельзя еще было рассчитывать на переправу раньше вечера, и я прїостановился въ заѣздномъ домѣ. Дѣло происходило въ полдень.

— Есть станція (комната)? спросилъ я у іудея, который встрѣтилъ меня съ униженными поклонами, какъ всякаго, и съ привѣтливой улыбкой, какъ знакомаго.

— Есть отличная.

*) Объ армянахъ я скажу подробнѣе при описаніи Могилева Подольскаго.

- Что возьмешь?
- Сами знаете.
- По старому — полтинникъ?
- Нѣтъ, теперь не такое время.
- Почему же?
- Сами видите, нѣтъ переправы.
- Такъ что же?
- Нельзя меньше кербеля (рубля).
- За что же вдвое и притомъ только до вечера?
- Съ васъ по знакомству пять золотыхъ (75 к.), а меньше ни копѣйки.

За самоваръ была цѣна двойная, на базарѣ все возвысилось, самый хлѣбъ поднялся, однимъ словомъ, Жванца нельзя было узнать въ ту минуту. И между тѣмъ все приняло веселый, праздничный видъ, всѣ туземныя лица улыбались, только морщились прїѣзжіе да съ нетерпѣніемъ посматривали на пристань. Когда можно уже было переправиться, хозяинъ явился съ предложеніемъ остаться на ночь по случаю опасности, но, конечно, онъ имѣлъ въ виду собственную выгоду. Я однако же предпочелъ уѣхать въ Хотинъ, заплативъ за свой отдыхъ рубля два слишкомъ, считая только самоваръ, хлѣбъ, квартиру и яичницу — сумма, за которую въ другое время можно прожить, по крайней мѣрѣ, трое сутокъ.

Пониже Хотина маленькія береговыя деревеньки не представляютъ особаго интереса, и только самъ Днѣстръ любопытенъ въ томъ отношеніи, что даетъ нѣсколько крутыхъ оборотовъ и буквально извивается змѣею. Причиной этихъ изумительныхъ изгибовъ на такомъ маломъ разстояніи должно быть каменистая почва, потому что иначе рѣка прорыла бы себѣ русло въ прямомъ направленіи, сокративъ значительно путь и не бросаясь въ разныя стороны. Ничего нѣтъ любопытнѣе, какъ стоять на берегу и смотрѣть на плоты и галеры, пробѣгающіе по Днѣстру на этой мѣстности. Три раза дѣлаютъ они значительный зигзагъ и, употребивъ около сутокъ, проплывая версть тридцать, выходятъ на прямое теченіе верстахъ въ шести, противъ начала зигзаговъ, подвергаясь въ свѣжую погоду непрїятности наткнуться на мель при крутыхъ поворотахъ, весьма неудобныхъ для такой посудины, какъ днѣстровская галера, и для такой штуки, какъ плотъ, почти что находящійся во власти теченія. Иногда при противномъ вѣтрѣ суда едва пройдутъ въ двое сутокъ эти извилины и вечеромъ на другой день бросаютъ якорь чуть

не въ виду того мѣста, откуда отвалили вчера, на разсвѣтѣ. Впрочемъ, Днѣстръ извилисть не только здѣсь, онъ имѣеть множество болѣе значительныхъ извилинъ даже въ низовьяхъ, напр., возлѣ Бендеръ, гдѣ уже дѣйствительно затрудняется судоходство.

Изъ нѣсколькихъ прибрежныхъ мѣстъ, обратившихъ на себя мое вниманіе, первая деревня была — Мошинець, верстахъ въ двадцати пяти ниже Хотина, гдѣ я и останавливался съ цѣлью взглянуть оттуда на окрестность. Положеніе ея для меня казалось тѣмъ интереснѣе, что близко пролегаетъ транспортная дорога, а мошинецкая корчма, стоящая на этомъ трактѣ, служить иногда сценой для интересныхъ приключеній. Мошинець мнѣ памятенъ по двумъ обстоятельствамъ: первое, что тамъ я нѣсколько познакомился съ молдавскимъ помѣщичьимъ бытомъ, а второе — на моихъ глазахъ случилась значительная поимка контрабанды. Въ первый проѣздъ мой я не былъ у владѣльца, но на возвратномъ пути побывалъ у поссесора, образованнаго молдавана, знакомясь съ нимъ въ Хотинѣ и давъ слово посѣтить его.

Это было въ первыхъ числахъ сентября. Я выѣхалъ изъ Хотина, имѣя впереди большой деревенскій праздникъ въ одномъ береговомъ селеніи, и, располагая нѣсколькими свободными днями, рассчитывалъ провести ихъ съ пользою, присматриваясь къ осеннему хозяйству руснаковъ. Погода однако же начинала портиться, и тучи со всѣхъ сторонъ заволакивали небо, что наводило на меня не совсѣмъ утѣшительныя мысли. Въ городкахъ я еще не приходилъ въ отчаяніе во время дождя или бури, потому что имѣлъ болѣе или менѣе просторную квартиру и могъ заниматься, цѣлый день не выходя изъ дому и не подвергаясь лишеніямъ. Но въ деревняхъ другое дѣло: здѣсь дождливая погода бывала для меня мученіемъ, не представляя пространства даже въ нѣсколько шаговъ, по которому можно было бы походить хоть съ полчаса, не говоря уже о томъ, что единственнымъ развлеченіемъ служили прогулки по окрестностямъ. Конечно, пытка никогда не продолжалась долго: непогода на этой мѣстности не имѣеть привычки гостить нѣсколько дней сряду, но тѣмъ не менѣе въ самыя засухи, когда все населеніе ожидало дождя, какъ благодати, я питалъ эгоистическое желаніе, чтобъ тучи проходили мимо или, по крайней мѣрѣ, ночью дѣлали свое дѣло.

Прибылъ я въ Мошинець подъ вечеръ и, проѣзжая на

квартиру мимо владѣльческаго дома, увидѣлъ на дворѣ нѣсколько экипажей, свидѣтельствовавшихъ о собраніи гостей у поссесора. Приѣзжіе кучера, лакеи и домашняя прислуга шныряли по двору, и это усиленное движеніе обѣщало мнѣ вечеръ, полный занимательности и разнообразія. Пока вносили и располагали мое маленькое дорожное хозяйство, старикъ-хозяинъ раза два входилъ ко мнѣ въ хату и видимо хотѣлъ сказать что-то, но какъ бы не желалъ имѣть посторонняго свидѣтеля. Я выслалъ своего слугу и рѣшился дать старику аудіенцію. Это былъ высокій руснакъ съ длинными сѣдыми локонами и замѣчательной фizioноміей.

— Что тебѣ, дѣдушка? спросилъ я.

— А вотъ смотрю — все ли въ порядкѣ, и, признаться, у меня есть къ вамъ просьба.

— Очень радъ, если могу быть полезенъ. Въ чемъ же дѣло?

— Когда вы прошлый разъ ѣхали по берегу, я хотѣлъ просить васъ, да вы недолго были въ Мошинцѣ. Вѣдь вы изъ Петербурга?

— Да.

— Посланы по важнымъ дѣламъ?

— Совсѣмъ нѣтъ, дѣдушка: мое первое дѣло — не вмѣшиваться ни во что, а только присматриваться, какъ живутъ люди по Днѣстру, чѣмъ занимаются, замѣчать рыболовство, судоходство, одежду, обычаи, пѣсни...

— И будто за этимъ только нарочно посылаютъ изъ Петербурга? Ну, да вы лучше знаете, зачѣмъ посланы, проговорилъ старикъ.

— Однако садись, пожалуйста, и расскажи мнѣ свою надобность.

Хозяинъ долго не соглашался воспользоваться моимъ приглашеніемъ и сѣлъ только тогда, когда я объявилъ положительно, что иначе его не выслушаю.

— Я бывший волостной голова, сказалъ онъ: — и нахожусь подъ судомъ.

При этомъ онъ выразительно и пристально посмотрѣлъ на меня.

— Какая же причина?

— Да видите, я думаю, вы слышали, что у насъ пропалъ хлѣбъ изъ общественнаго магазина.

— Не слышалъ.

— Ну, онъ пропалъ — это правда.

— Какъ же? украли?

— Нѣтъ, просто его продали.

— Безъ согласія общества?

— Да развѣ у насъ когда спрашиваютъ общество?

— Хорошо. Продали, а деньги?

— Деньги получили.

— Развѣ обществу нужно было на какіе нибудь расходы?

— Общество всегда нуждается, но этихъ денегъ оно не видѣло.

— Гдѣ же онѣ дѣвались?

Руснакъ молчалъ.

— Кто же распорядился?

Руснакъ молчалъ.

— Кто же продавалъ?

— Я.

— По своей волѣ?

— Нѣтъ.

— Значить, и ты поживился?

— Поживился-то мало, а отвѣтъ большой.

Послѣ долгихъ разспросовъ старикъ передалъ мнѣ любопытный фактъ — какъ, при наружномъ самоуправленіи, бесарабскіе царане подчинены деспотизму уѣздной администраціи. Незаконная продажа хлѣба совершилась много лѣтъ назадъ, произведено было слѣдствіе, но судъ какъ-то медлилъ рѣшеніемъ.

— Что же тутъ дѣлать, сказала я хозяину: — когда ты кругомъ виноватъ, когда, исполняя незаконное приказаніе, ты очень хорошо зналъ, какой подвергаешься отвѣтственности?

— Нашъ братъ глупъ, да хоть и не глупъ — разсуждать не смѣетъ.

— А еслибы тебѣ приказано было убить человѣка, рѣшился бы ты на это?

— Нѣтъ.

— Точно такъ можно не выполнить и другаго незаконнаго приказанія. Общественная сумма и имущество принадлежатъ обществу и расходовать ихъ иначе нельзя, какъ по письменному приказанію.

— Все это теперь я знаю, да сдѣланнаго не воротить. А не можете ли вы пособить...

— Не могу, да и никогда не рѣшился бы ходатайствовать о нечистомъ дѣлѣ.

- Вѣдь всѣ пользуются.
- И нечестно поступаютъ.
- Многимъ сходить съ рукъ.
- А вотъ видишь, что не всегда. Нѣтъ, любезный, не мое дѣло мѣшаться, и скажу тебѣ откровенно, что для меня нѣтъ ничего гаже, какъ подобные поступки. Помочь бѣдняку совѣтомъ и дѣломъ я готовъ, но покрывать мерзости никогда не рѣшился бы, еслибъ даже и имѣлъ къ тому возможность.

Хозяинъ ушелъ отъ меня, понутивъ голову, и не возобновлялъ болѣе разговора, избѣгая даже встрѣчи со мною.

Еслибы подробнѣе вникнуть въ дѣйствія мірскихъ властей въ Бессарабіи и дойти до инициаторовъ, можно бы написать нѣсколько любопытныхъ страницъ о бытѣ народа, который оффиціально благоденствуетъ внѣ крѣпостнаго права, а въ сущности несъ и несетъ иго, хитро опутанный цѣлой системой вопіющихъ угнетеній. Волостной голова — полный хозяинъ своей волости, и въ эту должность избираются люди не выраженіемъ свободной воли поселенія, а вслѣдствіе желанія мѣстныхъ властей, переданнаго весьма просто разными клеветами. Выборъ головы — обстоятельство очень важное какъ для полиціи, такъ и для помѣщиковъ, которые при малѣйшемъ столкновеніи съ царанами должны прежде всего прибѣгать къ посредству волостнаго головы, обязаннаго блюсти обоюдные интересы. Цѣль прекрасная, но — какъ многія у насъ цѣли — примѣненіемъ своимъ повлекшая дѣло въ тотъ безвыходный хаосъ, который всей тягостью палъ на крестьянина. Бюрократія наша, съ поконъ вѣку изошрявшаяся придавать требуемую законную форму даже беззаконнымъ дѣйствіямъ, и здѣсь не отступила отъ своихъ вѣковыхъ пріемовъ, и выборъ въ головы независимо отъ мѣстныхъ властей прикрывается маской свободнаго избранія, такъ что самый взыскательный ревизоръ не въ состояніи найти никакихъ неисправностей. Между тѣмъ голова назначается предварительно властями съ согласія помѣщиковъ, которые сильно этимъ заинтересованы, потому что если волостной голова на сторонѣ владѣльцевъ, тогда ихъ противозаконныя дѣйствія и поступки относительно крестьянъ не выходятъ за предѣлы волости и рѣдко достигаютъ земскаго начальника, которому и некогда разсматривать мелкихъ происшествій, подлежащихъ разбирательству волостнаго правленія. Однимъ словомъ, бѣдный царанинъ поставленъ въ такое положеніе, что въ мое время нѣсколько деревень, услышавъ объ уничтоженіи крѣ-

постнаго права въ имперіи, просило о дозволеніи выселиться изъ Бессарабіи, что было сочтено бунтомъ и окончилось введеніемъ военной команды. Не могу не сказать еще разъ, что бессарабскій владѣльческій крестьянинъ буквально притѣсненъ и нуждается въ тщательномъ пересмотрѣ своихъ положеній, составленныхъ давно въ ущербъ его интересамъ. Самая личная свобода его, опредѣленная положительнымъ закономъ, съ самыхъ же первыхъ поръ утратила настоящій смыслъ свой, потому что помѣщику предоставлено право наказывать его извѣстнымъ числомъ ударовъ за нерадѣніе и неповиновеніе. Понятно, что, при своевольномъ толкованіи двухъ послѣднихъ словъ, каждый крестьянинъ ежедневно можетъ быть наказанъ помѣщикомъ, и еслибы послѣдній раздавалъ въ точности только опредѣленное количество ударовъ, и тогда царанину приходилось бы нелегко, потому что ударъ удару рознь. Но не всегда и не вездѣ владѣльцы злоупотребляютъ своимъ правомъ. Тѣлесное наказаніе безъ суда не должно бы существовать въ Бессарабіи, и, хотъ трудно предположить всеобщую добросовѣстность и гуманность судей, однако все-таки судъ лучше владѣльческаго или поссесорскаго произвола, который самъ собою ограничится весьма нескоро, если не уничтожится путемъ административнымъ. Въ Бессарабіи, какъ я уже сказалъ въ первой главѣ, сословіе помѣщиковъ и поссесоровъ состоитъ чуть не изъ всѣхъ племенъ, населяющихъ имперію, а потому и нельзя ожидать сочувствія между владѣльцами и народомъ, тѣмъ болѣе, что оба эти элемента стремятся къ діаметрально противоположнымъ интересамъ. И вы не считайте царанина свободнымъ хлѣбопашцемъ на помѣщичьей землѣ, не вѣрьте тому, кто вздумалъ бы опровергать меня печатно, ссылаясь на законы: по крайней мѣрѣ въ настоящемъ поколѣніи феодализмъ не утратилъ еще всѣхъ своихъ прерогативовъ, и царанину — какъ бы ни былъ онъ притѣсненъ — трудно найти защиту. Стоитъ пожить нѣсколько времени въ Бессарабіи, вникнуть во взаимныя отношенія царанъ и владѣльцевъ — истина выкажется сама собою безъ всякихъ объясненій. Знаю, что вооружу этимъ многихъ противъ себя, тѣмъ болѣе, что едва ли не единственно мнѣ выпало на долю посѣтить далекіе уголки Бессарабіи не по служебному порученію; но я увѣренъ вполне, что нѣкоторые изъ моихъ знакомыхъ жителей области, положивъ руку на сердце, не заподозрятъ меня въ искаженіи правды. Было то же и при началѣ нашего крестьянскаго вопроса: нѣ-

которые образованные даже люди недружелюбно смотрѣли на мои статьи, направленные противъ помѣщичьяго произвола, порожденнаго крѣпостнымъ правомъ, а послѣ соглашались и, я убѣжденъ, искренно сочувствовали паденію этого неестественнаго порядка вещей, противнаго духу религіи и гуманности. Дѣйствительно бессарабскіе царане, по положенію, живутъ у владѣльца на взаимномъ договорѣ, но, какъ я уже имѣлъ случай замѣтить, договоръ этотъ придуманъ довольно хитро, такъ что царанину нѣтъ выхода и помѣщикъ можетъ притѣснить его разнообразными способами.

Хозяинъ мой, бывшій голова, ничѣмъ не отличается отъ прочихъ собратьевъ, но попалъ подъ судъ по особымъ причинамъ, сложившимся уже вслѣдствіе алчности мѣстныхъ властей, которыхъ онъ былъ только орудіемъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, что могъ сдѣлать голова вопреки приказаніямъ начальства? Конечно, онъ очень хорошо зналъ, что общественный хлѣбъ продавался съ противозаконной цѣлью, но не менѣе того крестьянину небезызвѣстно, что если начальство рѣшается на злоупотребленія, то не безъ надежды на благополучный исходъ дѣла. Должностной крестьянинъ посвященъ во всѣ тайны закулисной жизни мѣстныхъ властей, и требовать отъ него добросовѣстности было бы даже нелогично, принявъ во вниманіе тѣ отступленія отъ закона, которыя видитъ онъ и даже исполняетъ по долгу подчиненнаго, изыскивая уже нерѣдко самъ различныя лазейки для своихъ корыстныхъ цѣлей. Положеніе волостнаго головы при подобной обстановкѣ представляетъ много интереса для простолюдина, а въ особенности много случаевъ понажитья, отчего, какъ мы видимъ зачастую, не прочь и высшія сословія. Положимъ, въ головы избираютъ преимущественно богатыхъ обывателей, какъ бы съ той цѣлью, что подобный человекъ не будетъ столь падохъ на »презрѣнный металлъ«; но люди созданы съ неограниченными желаніями, и самъ Ротшильдъ, владѣющій сотнями милліоновъ, стремится же къ увеличенію громаднаго капитала. Мошинецкій мой хозяинъ, какъ мнѣ рассказывали, нажилъ было порядочное состояніе, о чемъ и я еще могъ судить по значительнымъ хозяйственнымъ постройкамъ, но въ то время фонды его уже сильно истощились, а что главное — онъ былъ нелюбимъ своими односельцами. Впослѣдствіи я заводилъ о немъ разговоръ съ нѣкоторыми сосѣдями, и они единодушно говорили, что чужое добро въ прокъ нейдетъ, а мірскія слезы рано ли, поздно отзовутся.

Подъ вечеръ отправился я къ поссесору Бибери, молдавану, окончившему курсъ въ Ришельевскомъ лицѣѣ, въ надеждѣ потолковать съ нимъ о хозяйствѣ и взглянуть на обшество прїѣзжихъ гостей, изъ которыхъ иные были изъ глублины Бессарабіи. Господскій домикъ, очень небольшой, но прилично убранный, былъ освѣщенъ, и вокругъ самовара кипѣла молдавская бесѣда, прерываемая звономъ стакановъ и непри-
нужденнымъ хохотомъ. Хозяинъ представилъ меня обществу, и я усѣлся возлѣ столика. Въ числѣ дамъ были двѣ сестры хозяина, изъ которыхъ одной принадлежитъ Мошинецъ, а прочіе гости — разные знакомые, собиравшіеся на веселый праздникъ въ Нагоряны и заѣхавшіе отдохнуть на перепутьи. Была здѣсь также одна хотинская аристократка съ дочерью, «выгодной невѣстой», явившаяся, конечно, навѣстить сестеръ поссесора; но послѣдній, какъ холостой человѣкъ, кажется, не безъ запасной мысли, расточалъ любезности передъ этими дамами, изъ которыхъ мама постоянно говорила по молдавски, а дочь — по русски или по французски. Въ числѣ гостей было нѣсколько молоденькихъ дѣвочекъ-пансіонерокъ, оживлявшихъ общество. Молдаванки прежняго поколѣнія сидѣли, перебирая четки въ рукахъ, и нѣкоторыя ни слова не говорили по русски. Одна веселая барыня бесѣдовала со мною черезъ переводчика, потому что я тогда, хоть и началъ учиться по молдавски, однако не могъ поддержать разговора, умѣя только предложить самыя необходимыя для путешественника вопросы.

Вечеръ становился бурный, тучи заслоняли небо и грозили продолжительнымъ ливнемъ, который въ нѣсколько часовъ могъ испортить всѣ дороги и уничтожить надежды молодежи, собиравшейся потанцовать на предстоявшемъ праздникѣ. Не одно ушко боязливо прислушивалось къ вою вѣтра. не одинъ черный глазокъ поглядывалъ въ окна, за которыми чернѣла непогодная ночь, потопившая всѣ близкіе предметы. По неимѣнію фортепіано и мѣста для танцевъ барышни затѣяли фанты, пригласивъ и меня участвовать, но я отклонилъ это приглашеніе и воспользовался другимъ, болѣе свойственнымъ моему возрасту — усѣлся за преферансъ, который въ большомъ ходу въ этой мѣстности. Въ сосѣдней комнатѣ раздавались говоръ и хохотъ, у насъ шла игра тоже съ веселыми прибаутками, особенно со стороны одного молдавана Ч..., умѣвшаго какъ-то остро подтрунивать надъ хозяиномъ, который сидѣлъ за картами, но душою присутствовалъ

тамъ, гдѣ раздавался дѣвичій смѣхъ, имѣющій иногда такое неотразимое обаяніе. Послѣ пульки оставалось еще много времени до ужина, и я перешелъ въ гостиную, гдѣ, хоть и прекратились бѣготня и хохотъ, однако, продолжались веселые разговоры. Зашумѣлъ наконецъ дождь, и хозяинъ съ веселой улыбкой объявилъ гостямъ, что онъ очень радъ непогодѣ, которая волей-неволей удержитъ ихъ въ Мошинцѣ подолѣе. Вдругъ раздался звонъ колокольчика. Въ залу вошелъ земскій начальникъ, который недавно поступилъ въ уѣздъ изъ чиновниковъ особыхъ порученій и старался поставить себя на такую ногу, чтобы, живя по возможности въ ладу съ помѣщиками, не уклоняться и отъ своей прямой обязанности наблюдать интересы крестьянъ, дѣйствуя въ примирительномъ духѣ. Не знаю, успѣлъ ли онъ достигнуть желаннаго результата, остался ли на мѣстѣ, но, по крайней мѣрѣ, проживая въ Хотинскомъ уѣздѣ, я имѣлъ случай провѣрять искренность высказываемыхъ имъ убѣжденій. Тогдашній предводитель, человѣкъ гуманный и образованный, который смотрѣлъ на званіе свое, какъ, можетъ быть, смотрятъ немногіе, отзывался о земскомъ начальникѣ съ особенною похвалою. Мнѣ тѣмъ пріятнѣе было появленіе послѣдняго въ Мошинцѣ, что отъ него я могъ узнать подробности о продажѣ общественной кукурузы, такъ какъ, состоя при губернаторѣ, онъ производилъ и слѣдствіе по этому дѣлу. Причину своего неожиданнаго пріѣзда онъ объяснилъ извѣстіемъ о появленіи саранчи въ одной деревнѣ, куда спѣшилъ для необходимыхъ распоряженій. Послѣ ужина мы вышли вмѣстѣ, потому что квартиры наши находились по сосѣдству. Темень и ливень были ужасны, такъ что съ фонаремъ и провожатымъ мы едва отыскали дорогу черезъ оврагъ, по которому уже тамъ и сямъ шумѣли потоки. Земскій начальникъ зашелъ ко мнѣ на минуту.

— А знаете, зачѣмъ я пріѣхалъ? спросилъ онъ, закуривая папиросу.

— Нѣтъ, не знаю.

— Ловлю контрабанду.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Черезъ часъ у меня на квартирѣ должны быть двѣ повозки чая.

— Какъ же вы ухитрились?

— Одинъ еврей, съ которымъ контрабандисты не ладили, сообщилъ мнѣ, взявъ слово не выдавать его.

— И это вѣрно?

— Какъ дважды два — четыре. Подъ вечеръ изъ Хотина выѣхалъ транспортъ по дорогѣ на мошинецкую корчму. Я долженъ былъ проѣхать окольными путями и распорядился въ строжайшей тайнѣ выслать отсюда понятыхъ и разставить ихъ, гдѣ было нужно, подѣ начальствомъ человѣка, на котораго могу положиться. Но мнѣ придется не спать всю ночь.

— Отчего?

— Если привезутъ контрабанду и я оставлю ее до разсвѣта безъ личнаго надзора, то нельзя ручаться въ ея цѣлости. Однако прощайте. Хотите, дамъ знать?

— Сдѣлайте одолженіе.

Я не могъ уснуть, хотя мнѣ не было рѣшительно никакого дѣла ни до контрабанды, ни до ея поимки. Часа черезъ два меня однако же извѣстили и земскій начальникъ вмѣстѣ прислалъ просить сургуча, который онъ позабылъ захватить съ собою, но въ которомъ нуждался для опечатанія мѣшковъ съ контрабандой. Двѣ большія великорусскія телѣги, запряженныя добрыми лошадьми, стояли на дворѣ у земскаго начальника, оберегаемыя множествомъ руснаковъ, а въ комнатѣ, повѣсивъ голову, стоялъ высокій липованъ въ крытомъ тулупѣ. Хозяинъ транспорта бѣжалъ въ то время, какъ сыщики бросились на обозъ, и, пользуясь темнотой, скрылся въ кукурузное поле, примыкавшее къ роцѣ. Извозчикъ повторялъ извѣстную фразу: »знать не знаю, вѣдать не вѣдаю«. Повозки были нагружены мѣшками съ чаемъ, прикрытыми сверху довольно плотно коноплянымъ сѣменемъ. Мы узнали только, что транспортъ шелъ въ Николаевъ. Чай былъ двухъ сортовъ, фамильный и цвѣточный, и, если не ошибаюсь, въ количествѣ пудовъ до пятидесяти. Можетъ быть и не такъ, но помнится мнѣ эта цифра, хоть и не ручаюсь за достовѣрность.

Возвратясь домой, я долго еще читалъ книгу, прислушиваясь къ вою вѣтра и шуму дождя, который то барабанилъ въ окна, то плескался въ лужахъ, образовавшихся вокругъ хаты. Это наводило на меня грустныя мысли о безвыходномъ карантинѣ, по крайней мѣрѣ, на сутки, потому что прогулка въ окрестностяхъ деревни послѣ осеняго дождя совершенно невозможна. Было четыре часа, когда я собрался потушить огонь, какъ въ это время застучали ко мнѣ въ окошко. Это меня не удивило: иной разъ знакомые хозяевъ, не зная, что хата занята, приходятъ по своимъ дѣламъ, а потому я окликнулъ:

— Кто тамъ?

- Свои, произнесъ кто-то съ еврейскимъ акцентомъ.
- Кто свои?
- Отворите, ваше превосходительство, крайняя надобность.
- Да кого нужно?
- Васъ.
- Вѣроятно земскаго начальника?
- Нѣтъ, васъ и только на минуту.

Я отворилъ дверь въ сѣни, а потомъ и на улицу. Высокій обмокшій еврей вошелъ за мною въ комнату.

— Что тебѣ надо? спросилъ я, оглядывая случайнаго гостя, фizioномія котораго, выражавшая лукавство, не предвѣщала ничего добраго.

Еврей осмотрѣлся.

- Вы слыхали о несчастьи? сказалъ онъ.
- О какомъ?
- О чаѣ.
- Который пойманъ вечеромъ? Слыхаль.
- И что-жъ? развѣ хорошо дѣлаетъ земскій начальникъ?
- Онъ исполняетъ свою обязанность.
- Нѣтъ, такъ не дѣлаютъ добрые люди. Я былъ у него — и слушать не хочетъ. Вотъ я и придумалъ попросить васъ.
- Я здѣсь совершенно посторонній.

— Знаю. Но вы изъ Петербурга, онъ васъ послушаетъ. Позвольте, ваше превосходительство, я согласенъ, пусть онъ представляетъ контрабанду съ повозками и лошадьми, да только не показываетъ всего чая; вѣдь для него все равно. Мы ему дадимъ хорошо. Вамъ тоже будетъ за хлопоты.

И еврей полѣзъ въ карманъ.

- Это уже напрасно, любезнѣйшій, сказалъ я.
- Помилуйте, мы знаемъ, вы люди дорожные.
- Такъ поэтому меня надо и подкупать, не такъ ли? Не думалъ я, чтобы ты былъ простъ до такой степени. Если земскій начальникъ не принялъ отъ тебя денегъ и не согласился покрыть контрабанды, то по какому поводу онъ послушался бы меня и рѣшился взять взятку при постороннемъ свидѣтелѣ?

- Какая взятка? человѣкъ благодарить за доброе дѣло...
- Хороша благодарность!
- Но позвольте же васъ спросить — что онъ выиграетъ?
- Не знаю, что онъ выиграетъ, но дѣйствуетъ какъ слѣдуетъ честному чиновнику.
- Да развѣ же честно вводить другихъ въ несчастье?

— А развѣ честно заниматься противозаконной торговлей?

— Все грѣшны, а это дѣло коммерческое: не первый и не послѣдній разъ. Но отчего же вы отказываетесь пособить?..

— Отказываюсь потому, что это не несчастье, а контрабанда.

— Хорошо. Скажите же земскому начальнику, пусть онъ помнитъ сегодняшній вечеръ...

И еврей вышелъ. На другой день я передалъ земскому начальнику этотъ разговоръ, и онъ сказалъ мнѣ, что дѣйствительно незнакомый еврей предлагалъ ему сдѣлку, и какъ это было безъ свидѣтелей, то и преслѣдовать контрабандиста не представлялось возможности. По справкѣ оказалось, что еврей отправился по дорогѣ къ таможенной заставѣ, куда земскій начальникъ собирался представить поимку. Развязки дѣла я не знаю, потому что не случалось уже ни съ кѣмъ говорить объ этомъ.

Крутоберегая мѣстность отъ Мошинца по ужаснымъ извилинамъ рѣки черезъ Вороновицу въ Нагоряны покрыта сплошными почти скалами, но если побережье представляетъ бесплодное пространство, зато почва по верху горы отличается хорошей растительностью и съ изобиліемъ вознаграждаетъ трудъ земледѣльца.

Нѣсколько дней я прожилъ въ селеніи Нагорянахъ, принадлежащемъ г-жѣ Фишеръ. Здѣсь болѣе или менѣе жители занимаются рыболовствомъ, и мнѣ хотѣлось обратить на него вниманіе.

Нагоряны, одно изъ красивѣйшихъ селеній, раскинуты по сторонамъ крутаго яра, а господская усадьба примыкаетъ къ выгону, потянувшемуся къ Днѣстру, обставленному въ этомъ мѣстѣ высоко выдавшимися каменными утесами. Ходитъ преданіе, что жилъ здѣсь какой-то змій, что подкрѣпляется и глубокой пещерой въ скалахъ; но преданіе это такъ темно и глухо, что не сохранилось даже и сказочныхъ подробностей. Изъ любопытства я хотѣлъ проникнуть въ таинственную пещеру, однако добраться до входа такъ трудно, что изъ мѣстныхъ пастуховъ, ежедневно лазающихъ по скаламъ, одинъ только могъ вскарабкаться, цѣпляясь за камни, и я не рѣшился совершить опаснаго путешествія. Опаснымъ я называю потому, что стоитъ только поскользнуться—и пришлось бы летѣть около ста сажень въ Днѣстръ, по острымъ, выдающимся камнямъ. Можно проникнуть сверху, спускаясь по веревкѣ, но, по рассказамъ пастуховъ, въ пещерѣ ничего нѣтъ, да и

сама она вродѣ разсѣлины. Будь какая нибудь надпись, гробница, однимъ словомъ древность, я нашель бы средство добратся до разсѣлины, а безъ надобности не считалъ нужнымъ отваживаться на подобное любопытство. О пещерѣ же упоминаю потому, что, можетъ быть, какой нибудь любитель посѣтитъ Нагоряны и собереть о ней на свободѣ интересныя подробности. Утесы господствуютъ надъ обширной окрестностью, и ничего не можетъ быть пріятнѣе, какъ сидѣть на нихъ во время захожденія солнца. Влѣво далеко рисуются въ туманѣ зданія Хотина, а передъ вами раскинулась Подолия, которая не имѣетъ, кажется, уголка не говорю уже безлюднаго, но лишеннаго самой поэтической обстановки. Между разсѣлинами скалъ, гдѣ только можно было вырасти дереву — оно непременно шумитъ кудрявою вершиною, и зелень листьевъ, сливаясь съ сѣрымъ и краснымъ цвѣтами камней, составляетъ художественно законченное цѣлое.

Черезъ оврагъ за селомъ, минуя пахатное поле, на большое пространство растетъ густой, роскошный лѣсъ, что ниже Хотина придаетъ уже значительную цѣнность имѣнію. Но мнѣ не такъ нравился этотъ лѣсъ — потому что въ памяти живо еще рисовалась поэтическая Буковина — какъ виноградникъ, разведенный въ немъ и поддерживаемый стараніемъ помѣщицы. Ниже, къ Могилеву, пойдетъ уже царство винограда, но здѣсь это еще и рѣдкость, и роскошь, хотя я не могу понять, почему не выдѣлывается такое полезное растеніе, когда переноситъ оно зиму въ Нагорянахъ.

Рыболовство, о которомъ мнѣ говорили, производится въ весьма небольшихъ размѣрахъ, и, хотъ нѣсколько крестьянъ занимается имъ въ Нагорянахъ и въ сосѣднемъ селѣ, Грушевкѣ, однако, занятіе это не составляетъ промысла, тѣмъ болѣе, что рѣка принадлежитъ владѣльцамъ, которые не видятъ доходной статьи въ рыболовствѣ.

Наканунѣ моего отъѣзда изъ Нагорянъ сидѣлъ я вечеромъ въ семействѣ помѣщицы. Г-жа Фишеръ, по обычаю всѣхъ пожилыхъ людей любившая припомнить старину, завела по какому-то случаю разговоръ о прежнихъ разбойникахъ и рассказала о Тоболтокѣ, который во главѣ большой шайки наводилъ ужасъ на Бессарабію. Это былъ знаменитый разбойникъ, напоминавшій италіянскихъ бандитовъ, въ дѣйствіяхъ котораго проскакивало иногда великодушіе, а со стремленіемъ къ поживѣ посредствомъ грабежа шло рядомъ другое — помогать слабымъ и угнетеннымъ, что видимъ и у извѣстныхъ укра-

инскихъ разбойниковъ конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтій. Отецъ г-жи Фишеръ былъ человѣкъ богатый, но, по ея словамъ, кротко обходившійся съ крестьянами, и потому если и боялся Тоболтока, то собственно за свои деньги, но не за жизнь, потому что разбойникъ не убивалъ и не мучилъ добрыхъ помѣщиковъ, разумѣется, если они не сопротивлялись. Позднимъ вечеромъ однажды, когда все семейство собиралось уже расходиться послѣ ужина, на дворъ въѣхала толпа и переполошила всю дворню. Какой-то незнакомецъ требовалъ свиданіе съ отцомъ г-жи Фишеръ. Волей или неволей надо было принять гостя. Вошелъ высокій красивый мужчина въ національномъ костюмѣ, обвѣшанный оружіемъ. Съ минуту онъ стоялъ среди комнаты и осматривалъ всѣхъ присутствовавшихъ, потомъ сказалъ старику, что онъ Тоболтокъ и имѣетъ надобность въ извѣстной суммѣ денегъ, которую требуетъ немедленно. Дрожавшій отъ испуга, старикъ исполнилъ его требованіе, и Тоболтокъ весело присѣлъ среди семейства. Онъ успокоилъ, впрочемъ, всѣхъ, объявивъ, что не имѣлъ никакихъ непріязненныхъ намѣреній, зная человѣколюбивое обхожденіе старика съ крестьянами, и началъ рассказывать, что дѣлалъ съ тѣми, которые отличались своею жестокостью. Страшный гость однако же скоро уѣхалъ, и больше г-жа Фишеръ его не видѣла, но въ то же время пострадалъ кто-то изъ сосѣдей. Интересно, еслибы кто нибудь изъ туземцевъ собралъ всѣ преданія о Тоболтокѣ, которыхъ въ краю, конечно, множество, потому что есть еще довольно живыхъ лицъ, знающихъ разбойника или слышавшихъ про его подвиги *).

Путь отъ Нагорья внизъ по Днѣстру представляетъ непрерывный рядъ живописныхъ ландшафтовъ, то выступающихъ надъ рѣкой, то уходящихъ въ глубину необозримыхъ овраговъ, заросшихъ густыми деревьями. Въ особенности понравилось мнѣ одно село, Бузовица, лежащее въ сторонѣ отъ берега, — не красотою мѣстоположенія, но особенно веселостью характера своихъ жителей. Я не встрѣчалъ тамъ ни нахмуреннаго лица, ни косыхъ взглядовъ, а съ кѣмъ начиналъ разговоръ, всегда получалъ самые шутливые отвѣты. Никогда не забуду одной сцены, которая какъ-то цѣликомъ осталась у меня въ памяти. Квартиру мнѣ отвели великолѣпную, лучшую въ деревнѣ, и, кажется, у самаго богатаго хо-

*) Коль въ своемъ путешествіи въ южную Россію упоминаетъ о немъ, ч. 2, стр. 39.

зяина. Ковры, одинъ другаго богаче и красивѣе, были развѣшаны по стѣнамъ, что рѣдко случается у руснаковъ, а подушекъ съ разноцвѣтными прошивками лежали просто цѣлыя горы. Былъ какой-то праздникъ. Я сидѣлъ у стола и курилъ сигару возлѣ раствореннаго окна, выходящаго въ небольшой садикъ. Близкій разговоръ на завалинкѣ, въ тѣни деревьевъ, привлекъ мое вниманіе. Надо сказать, что дочь моего хозяина, для которой приготовлены всѣ эти ковры и подушки, была дурна, какъ смертный грѣхъ, неуклюжа и, не взирая на молодость, не только не имѣла ничего привлекательнаго, но даже и черты ея, и угловатыя формы и самыя движенія были полны чего-то отталкивающаго. Дѣва эта сидѣла на завалинкѣ и подчивала мамалыгой съ творогомъ и огурцами нѣсколькихъ молодыхъ парней, рассыпавшихся передъ ней въ любезностяхъ. Сначала я думалъ — не братья и не родственники ли это, но по шутливымъ рѣчамъ парней и отвѣтамъ русначки нельзя было не замѣтить, что дѣло шло о соискательствѣ богатой невѣсты, которая очень хорошо знала это и, повидимому, не отдавая никому предпочтенія, тѣшилась маневрами своихъ обожателей. Въ комнатѣ, на стѣнѣ, висѣло, впрочемъ, зеркало и, безъ сомнѣнія, въ настоящемъ свѣтѣ показывало непривлекательную наружность своей обладательницы, но послѣдняя, подобно многимъ богатымъ невѣстамъ, вѣрила больше льстивымъ похваламъ соискателей, нежели собственному изображенію. Дѣло, повидимому, не доходило еще до выбора, и потому между соперниками не замѣчалось никакой непріязненности, а каждый изъ нихъ только старался понравиться дородной обладательницѣ ковровъ, узорныхъ подушекъ и, вѣроятно, хорошаго приданаго. Они попеременно смѣшили ее, рассказывая разные скандалы, и какъ читатель знаетъ изъ предыдущихъ главъ, что руснаки не церемонятся въ выраженіяхъ, то можно представить себѣ, какого рода рассказами соискатели тѣшили свою возлюбленную. Нѣкоторыя вещи взяты прямо изъ »Декамерона« Бокаччіо и только передѣланы на мѣстные нравы. Въ Малороссіи и Новороссіи слышалъ я тоже подобныя рассказы въ многочисленныхъ вариантахъ, и меня всегда занимала мысль — откуда проникли къ намъ произведенія италіянскаго писателя, т. е. проникли въ народъ, — потому что въ основѣ ихъ видно заимствованіе изъ »Декамерона«, хотя подробности и мѣсто дѣйствія измѣнены сообразно съ обстоятельствами. Неужели же одинъ и тотъ же вымыселъ зарождался у разныхъ народовъ въ силу пословицы: »les beaux

esprits se rencontrent»? Впрочемъ, въ Малороссіи ходитъ много скандальныхъ анекдотовъ чисто мѣстнаго произведенія, но которые ничуть не ниже рассказовъ Боккачіо и не уступятъ послѣднимъ иной разъ въ остроуміи. Дородная дѣва слушала своихъ обожателей и простодушно хохотала, раскрывая свой широкій ротъ, усаженный кривыми, но бѣлыми зубами. Со стороны можно было подумать, что дѣва эта глубоко развращена, судя по энергическимъ восклицаніямъ, которыми выражала она иногда свое удивленіе или удовольствіе, но при знавіи туземныхъ нравовъ и обычаевъ добродѣтель ея не подвергалась подозрѣнію. Искательство парней заняло меня; я очень хорошо видѣлъ, что всѣми руководила корысть, столь сродная сердцу человѣческому въ каждомъ сословіи: допустить любви здѣсь было невозможно, но мнѣ хотѣлось прослѣдить ближе этотъ романъ и взглядѣться въ фізіономіи конкурентовъ. Стариковъ не было дома, дородная дѣва исполняла обязанность хозяйки, удовлетворяя вмѣстѣ съ тѣмъ кокетство, являющееся у самыхъ некрасивыхъ женщинъ, если за ними кто нибудь ухаживаетъ. Наконецъ одинъ изъ соискателей долженъ былъ куда-то уйти, а два остальные чрезвычайно желали выжить другъ друга. Я вышелъ изъ хаты. Молодежь тотчасъ встала со своихъ мѣстъ и прекратила бесѣду; но я уговорилъ собесѣдниковъ садиться, не стѣняясь моимъ присутствіемъ, а, чтобы еще болѣе расположить ихъ въ свою пользу, досталъ бутылку краснаго вина и предложилъ распить ее безъ церемоніи. Сначала всѣ отнѣживались, но, когда я налилъ вино въ стаканъ и предложилъ хозяйкѣ и послѣдняя выпила, парни болѣе ни чинились, и я присѣлъ въ ихъ кружокъ, рассчитывая на успѣшность наблюденій. Оба парня были не старѣе восемнадцати или девятнадцати лѣтъ, подходя возрастомъ къ богатой невѣстѣ, недурны собой, порядочнаго роста, одѣты по лѣтнему, т. е. въ однѣхъ сорочкахъ; оба съ длинными темными локонами, только у одного пробивались черные усы, а у другаго торчала въ зубахъ трубка, обвѣшанная разными украшеніями. Маловажное это обстоятельство служить однако же иногда поводомъ къ значительному перевѣсу въ глазахъ деревенскихъ дѣвушекъ, и я замѣтилъ, что обладатель щегольской трубки выставялъ ее на видъ, какъ единственное преимущество надъ соперникомъ, который какъ будто не замѣчалъ этого, но не могъ не проклипать внутренно парня, владѣвшаго такой драгоценностью. Хозяйка однако же юлила равно передъ обоими, а я нарочно завелъ рѣчь о третьемъ,

удалившемся, чтобы провѣрить въ Бузовицѣ приложеніе правила: »всегда ли теряютъ отсутствующіе?..«

— А куда же ушелъ вашъ товарищъ? спросилъ я парней.

— Ему надо навѣдаться домой, отвѣтила хозяйка: — его старики ушли куда-то.

— Кой чортъ домой, сказалъ парень съ трубкой: — это голякъ, у котораго дома и взглянуть не на что.

— Развѣ онъ виноватъ, что голякъ, отозвался другой, черноусый: — не всѣмъ быть богатымъ.

— Конечно, не всѣмъ, молвила хозяйка: — а онъ парень добрый, послушный: мой батько очень его любитъ.

— Да чѣмъ же онъ лучше насъ? спросилъ парень съ трубкой.

— Батько говоритъ, что онъ работающій и трезвый.

— И мы не сидимъ сложа руки, а горѣлки не пьютъ у насъ развѣ тотъ, который качается въ колыбкѣ. Непьющій! небось, не пролетъ, только если кто попотчуетъ, а на свои и купилъ бы, да нѣтъ мелкихъ.

— Я уже тебѣ говорила не разъ—не смѣйся надъ нимъ. Нашелъ чѣмъ попрекать! Вѣдь въ глаза не скажешь.

— Почему не скажу?

— Потому что негодится. Не всѣ родились богатыми.

— Такъ ты за него и замужъ пойдешь, если посватаетъ?

— Воля не моя.

— Да ужъ мы видимъ, что ты больно къ нему ласкова.

— Ничего вы не видите. Вотъ навязались!

Я налилъ еще по стакану вина собесѣдникамъ, и хотъ оно не могло на нихъ подѣйствовать, однако все-таки придало нѣсколько одушевленія. Мнѣ хотѣлось, чтобы отношенія молодежи выказались яснѣе, и я употреблялъ всѣ усилія наводить на разговоръ о сватовствѣ, бракѣ по любви и т. п. Руснаки высказали нѣсколько практическихъ мыслей; взглядъ ихъ на супружество ничѣмъ не разнился отъ того взгляда, какой можете встрѣтить у многихъ джентльменовъ, возсѣдающихъ въ любомъ столичномъ кафе-ресторанѣ. И капризъ моего любопытства — изслѣдовать одну сцену — заставилъ потомъ меня серьезно задуматься надъ современнымъ строемъ общества. Въ какойнибудь глухой Бузовицѣ, лежащей вдали отъ сообщеній, изъ жителей которой иные никогда не бывали даже въ Хотинѣ, молодой парень рассуждаетъ, что любовь хороша, но деньги лучше. Конечно, въ простомъ быту какъ матеріальное богатство, такъ и грубая сила пользуются безусловнымъ почетомъ, но любовь парня и дѣвушки, зарождающаяся съ

дѣтскихъ лѣтъ, во время игръ, на пастбищѣ, на полевыхъ работахъ, въ деревнѣ нерѣдко чуждается житейскихъ расчетовъ. Разность общественнаго положенія и богатство одной изъ любящихся сторонъ и въ селѣ разлучаютъ молодежь, но это происходитъ уже отъ родителей, позабывшихъ молодость и смотрящихъ по своему на благосостоянїе сына или дочери. А здѣсь я встрѣтилъ троихъ парней, которые ухаживали за уродливой дѣвой собственно изъ интереса, потому что богатая невѣста не могла вдохнуть никакого нѣжнаго чувства. Одинъ изъ нихъ, какъ я узналъ послѣ, былъ самъ сынъ достаточнаго отца и поддался обаянїю богатства, хоть на него засматривалась хорошенькая дѣвушка — дочь бѣднаго царанина. По всему однако же видно было, что хозяйка моя относила искательство къ своей особѣ, а не къ приданому и, увлекаясь кокетствомъ, держала на привязи троихъ обожателей разомъ. Родители, по обычаю, смотрѣли на ея шашни сквозь пальцы, зная, что надо же нагуляться въ дѣвушкахъ, а дальнѣйшихъ предположеній о судьбѣ ея не объявляли, и такимъ образомъ толстуха, пользуясь совершенной свободой, весело проводила время и испытывала троихъ соискателей.

Пришла какая-то женщина и позвала ее въ хату. Я остался съ парнями на завалинкѣ.

— Ну что-жъ, братцы, признайтесь, оба вы добиваетесь до моей хозяйки? сказалъ я.

— Нѣтъ, мы такъ, отозвался парень съ трубкой.

Другой не отвѣтилъ ни слова.

— Меня дичится нечего, а я думаю, что и третій, который ушелъ, тоже ухаживаетъ за нею.

— О, этотъ, конечно, собирается сватать, да вѣдь какъ есть голякъ и кошки нѣтъ въ хатѣ.

— Вы его только послушайте, молвилъ черноусый: — онъ бьетъ на то, что у отца порядочный достатокъ, да вѣдь ихъ четыре брата.

— Я не знаю вашихъ достатковъ, сказалъ я: — но надъ бѣдностью смѣяться не слѣдъ; притомъ же парень честенъ и трудолюбивъ, какъ о немъ отзывалась сама невѣста.

— Да ее самъ чортъ не разберетъ, прости Господи! Сегодня съ однимъ, завтра съ другимъ, а иногда на всѣхъ смотреть исподлобья.

— Ну, а вы же не ссоритесь?

— А чего намъ ссориться? Пока живемъ въ мирѣ, а вотъ который уже одолѣетъ, ну, намнемъ бока и шабашъ.

— За что?

— А то какъ же? Неужь-то ходить даромъ приятно.

— Вѣдь она не можетъ за троихъ выйти замужь?

— Разумѣется, да все же надо на комъ нибудь сорвать сердце.

— Вишь какъ она васъ зацѣпила! сказалъ я.

Парень съ трубкой улынулся.

— Кой чортъ зацѣпила бы, еслибъ у отца не столько грошей: есть въ деревнѣ такія крали, что на чудо.

— А ты же что скажешь? обратился я къ черноусому.

— Она всѣхъ насъ зацѣпила, потому что есть чѣмъ, не знаемъ только, кому достанется.

— Неужь-то вы не видите, къ кому она больше ласкова?

— Мы же вамъ говорили: ее и въ ступѣ не поймашь!

— Небось, не хочется упустить.

— Другой такой не найдешь скоро.

— Я думаю, прочія дѣвушки на нее сердятся.

— Сердятся-то сердятся, да и смѣются иной разъ.

— А ей что эти насмѣшки, отозвался парень съ трубкой: — она знаетъ, что иной поссесоръ не дастъ такого приданого, какъ за нею, а у насмѣшницъ нашихъ...

Здѣсь онъ сказалъ чрезвычайно мѣткую, но, къ сожалѣнію, непереводимую поговорку, которая заставила разсмѣяться меня и его товарища.

— А правда, подхватилъ послѣдній.

Но въ эту минуту моя хозяйка показала на порогѣ.

— А полно вамъ баклушничать, сказала она молодымъ людямъ: — приготовьте-ка мнѣ дровъ, видите некому.

— А что будетъ за это? спросилъ черноусый.

— Извѣстно, кулакъ въ спину, отвѣтила дѣва, раскрывая широкій ротъ свой.

Парни повиновались.

— Я вижу, они тебя слушаются, сказалъ я хозяйкѣ.

— А то какъ же?

— Но если выйдешь замужь за котораго нибудь, то будешь сама исполнять приказанія.

— Тогда же то и будетъ. Выйду ли еще за нихъ или нѣтъ.

— Мнѣ кажется однако же, что тебѣ нравится этотъ, съ трубкою.

— И другой, чернявый, молодець.

— Я думаю, и третій, который ушелъ раньше, тоже не дурень.

— Всѣ они молодцы, сказала дѣва, присѣвъ на завалинку: — и кромѣ этихъ есть еще нѣсколько въ деревнѣ.

— Значить, у тебя жениховъ — не отобьешься.

Хозяйка громко разсмѣялась.

— Цѣлый табунъ, проговорила она.

— Кого же ты выберешь?

— Право, не знаю, иногда кажется, пошла бы за того, а подумашь о другомъ и о третьемъ — жаль станетъ.

— Значить, еще никого не полюбила.

— Я молода, надо нагуляться: вѣдь дѣвушкѣ только и житья, что у отца да у матери, а выйдешь замужъ — прощай волюшка.

И все это хозяйка говорила тономъ, какой былъ бы приличенъ молоденькой хорошенькой дѣвушкѣ. Она словно не сознавала, что парни хлопотали не объ ея особѣ, и считала себя въ состояніи вдохнуть сильнѣйшую страсть своимъ поклонникамъ. Когда явились молодые люди, исполнившіе ея приказаніе, она дала обоимъ по тукманкѣ и, припрыгивая, убѣждала заниматься своимъ дѣломъ.

— Вотъ такъ она всегда, сказалъ черноусый.

— Да о чемъ же вы думаете? замѣтилъ я: — зачѣмъ не спросите прямо — за кого изъ васъ она пойдетъ замужъ?

— Какъ не спрашивать, спрашивали, да у нея одинъ отвѣтъ: »сама еще не знаю, какъ отецъ съ матерью«.

— Она-то молода...

— Однако порядочная кобыла, кулакъ же такой тяжелый, что шутки шутками, а спину почесываешь...

— Я васъ не пойму, братцы: всѣ вы хлопочите жениться на ней, видите каждый день, подъ часъ ссоритесь другъ съ другомъ, а можетъ кончиться тѣмъ, что ни за одного изъ васъ она не пойдетъ.

— Я согласенъ — пусть лучше выходить за чужаго селянина, сказалъ парень съ трубкой: — по крайней мѣрѣ будетъ не такъ досадно. Вѣдь кто женится на ней — заживетъ паномъ.

— А развѣ же можно жить спокойно на жениномъ добрѣ? спросилъ я.

— Почему же нѣтъ?

— Да потому, что если она выйдетъ сварливая, своеправная и начнетъ попрекать тебя.

— Есть на то буквъ.

— На букѣ, братъ, недалеко уѣдешь: видишь, какая она здоровая, посильнѣе тебя, и ты самъ знаешь — у бука два конца.

— И жена посмѣла бы!

— Бываетъ всего.

— Да вѣдь это не по закону! отозвался черноусый. — У насъ не было еще примѣра, чтобы жена была мужа.

— А мнѣ случалось не разъ это видѣть собственными глазами.

— Вѣрно у пановъ.

— Бываетъ и у пановъ, и у простолюдиновъ. По моему не жена тутъ виновата.

— А кто же?

— Тѣ, которые гоняются за богатымъ приданымъ. Вотъ вы, brave такіе парни, увиваетесь же за моей хозяйкой только потому, что она богата, а, небось, если бы у ней ничего не было, ни одинъ не затронулъ бы даже въ шутку.

— А не затронулъ бы.

— Женись же который — не задумается солгать передъ Богомъ, что любить ее.

— Нельзя не сказать, что любишь, когда священникъ спрашиваетъ.

— И все-таки скажешь неправду.

Парни призадумались.

— Такъ, значитъ, Богъ накажетъ за брехню?

— Я полагаю.

Малый съ трубкой махнулъ рукою.

— За плугъ воловъ, двѣ—три коровы да за сотни три—четыре карбованцевъ можно отвѣдать и бука разъ въ недѣлю, сказалъ онъ, выставя свои бѣлые ровные зубы.

Логика была довольно убѣдительна, а приложеніе ея повторяется чуть ли не на всемъ земномъ шарѣ, за исключеніемъ тѣхъ народовъ, у которыхъ въ обычаѣ платить за жену установленную сумму. Законодательство почти вездѣ разграничило собственность супруговъ, изъ которыхъ ни одинъ не можетъ тратить состоянія другаго безъ согласія, но тѣмъ не менѣе мужъ присвоиваетъ себѣ право владѣнія женинымъ имѣніемъ, хотя иногда только фразою: »я взялъ за женою столько-то«. Конечно, есть много любящихъ или наивныхъ женщинъ, не говоря уже объ отданныхъ насильно, которыя безусловно передаютъ въ руки мужьямъ свое состояніе; но

встрѣчаются женщины — и сколько еще! — которыя, выходя за бѣдняковъ, не даютъ имъ почти карманныхъ денегъ, не позволяютъ вмѣшиваться ни въ какія распоряженія, а подчасъ и держать въ ежовыхъ рукавицахъ. Въ простомъ быту это бываетъ гораздо рѣже, потому что патріархальные нравы, ставя женщину въ совершенную зависимость отъ мужа, не позволяютъ ей и заикнуться, что онъ живетъ изъ ея имѣнія, а если подобныя отношенія измѣняются, то въ такомъ только случаѣ, если мужъ идиотъ или совершенно безъ характера. Въ крестьянскомъ быту — не говорю о руснакахъ, но вообще о нашемъ простолюдинѣ — жена раба или деспотъ, середина встрѣчается очень рѣдко, а полное согласіе и того рѣже, хотя, конечно, и мнѣ случалось видѣть дружескую, утѣшительную жизнь супруговъ.

Передъ отъѣздомъ, встрѣтивъ свою хозяйку одну въ садикѣ, я взялъ ее на исповѣдь, желая выпытать ея настоящія намѣренія относительно трехъ жениховъ и добиться, на сколько имѣлось кокетства въ этой неуклюжей и почти безобразной фигурѣ. Былъ какой-то праздникъ, и бузовицкая сирена разрядилась въ прахъ, т. е. кромѣ прочихъ уборовъ накинула на плечи богатую шубку, хотя въ этомъ не предвидѣлось никакой надобности.

— Ну что, хозяйюшка, сказалъ я: — осень на дворѣ, скоро у васъ начнутся свадьбы.

— А начнутся, отвѣтила она, склонивъ голову, что, по ея мнѣнію, очень шло къ ней.

— Я замѣчаю, что тебѣ не долго тѣшиться дѣвичьей волюшкой.

Она разсмѣялась.

— Въ женихахъ нѣтъ недостатка, да хочу погулять.

— А что, я думаю, весело видѣть вокругъ цѣлую толпу молодыхъ красивыхъ парней?

— Правда, очень весело, а еще веселѣе смотрѣть, какъ сердятся и завидуютъ дѣвушки.

— И, небось, поддразнивать?

— Почему же и нѣтъ!

— А я видѣлъ у васъ въ деревнѣ много хорошенькихъ.

— Гдѣ тамъ хорошенькія! Атъ себѣ!

— Нѣтъ, это уже напрасно.

— Что же въ нихъ хорошаго: не будь только красныя щеки да длинная коса — куда бы иная годилась! Тоненькія, какъ спички, а одежда...

И богатая невѣста презрительно махнула рукой, такъ что мнѣ сдѣлалось гадко. Но подобное явленіе повторяется во всѣхъ слояхъ общества, и я подумалъ: не она первая, не она и послѣдняя.

— Значить, у тебя нѣтъ и вѣрной подруги?

— А есть.

— Гдѣ же? Я не видалъ у васъ въ гостяхъ ни одной дѣвушки.

— Она больна, *лежитъ на голову* (страдаетъ головой) и никуда не выходить.

— А у нея много жениховъ?

— Какъ не быть: богатаго отца дочь.

— И хорошенькая?

— Ничего себѣ, только немного лицо попорчено оспой.

— Какой же изъ троихъ парней тебѣ нравится? представлялъ я.

— На что вамъ?

— Мнѣ хотѣлось бы на прощанье сказать имъ объ этомъ. Всѣ три желаютъ жениться на тебѣ, всѣхъ водишь за носъ, а если думаешь выходить за котораго, то лучше сказать прямо, чтобы другіе отстали.

— Посмотрю еще, можетъ, выйду, а, можетъ, и нѣтъ, какъ отецъ съ матерью скажутъ. Меня хочетъ сватать одинъ изъ самага Хотіня, да не нравится—уродъ уродомъ и уже немолодь.

— Я думаю, пріятнѣе выйти въ своемъ селѣ и быть поближе къ роднымъ.

— А вотъ нагуляюсь хорошенько, натѣшусь и тогда подумаю. Нечего спѣшить мнѣ: у отца, слава Богу, всего довольно. Теперь-то парни увиваются, такъ и смотрятъ въ глаза, только мигни — все сдѣлаютъ, а выйдешь замужъ — кто его знаетъ — можетъ быть, иной разъ и бука отвѣдаешь.

И хозяйка, размѣявшись, ушла въ хату.

Пока мнѣ запрягали лошадей, я пошелъ впередъ пѣшкомъ, захвативъ съ собою ружье и пригласивъ одного изъ искателей богатой невѣсты, черноусаго парня, который мнѣ болѣе другихъ нравился. Дорогою я рассказалъ ему разговоръ съ хозяйкой и распросилъ о ея подругѣ. Оказалось, что это уродъ и къ тому же идиотка. Черноусый мнѣ признался, что рѣшился попытать счастья — посвататься.

— Пойдетъ — хорошо, буду жить по закону, не пойдетъ — чортъ съ нею, наплюю на нее и прильну къ какойнибудь хорошенькой дѣвушкѣ.

Мнѣ не удалось однако же впоследствии узнать — чѣмъ окончилось ухаживанье трехъ парней за некрасивой толстой.

Верстахъ въ пяти ниже, на высококомъ утесистомъ мысѣ, раскинуто село Комарово. Избы, выходящія на площадь, по большей части скрываются въ деревьяхъ; но тѣ, которыя стоятъ на горѣ, представляютъ чрезвычайно живописный видъ съ того берега. Надо сказать, что днѣстровскія горы принимаютъ здѣсь чуть ли не высшіе размѣры на всемъ протяженіи, разбѣгаясь на большое пространство какъ въ Бессарабіи, такъ и въ Подоліи. Часть Комарова, лежащая къ Днѣстру, разостлала свои садики по скаламъ утесовъ и выглядываетъ черкесскимъ ауломъ, съ которымъ болѣе всего придаютъ ей сходства тропинки, проложенныя къ рѣкѣ зигзагами, усѣянныя разной величины камнями.

Помѣщица сама не живетъ здѣсь, а поручила имѣніе своему племяннику, у котораго я былъ однажды, а потомъ пересталъ ходить вслѣдствіе одного обстоятельства, помѣщеннаго ниже. Въ первый же день я развѣдалъ — нѣтъ ли глубокихъ стариковъ, и, пригласивъ двухъ изъ нихъ, провелъ вечеръ въ разказахъ, всегда для меня любопытныхъ. Въ Комаровѣ носится темное преданіе о какой-то интересной женской личности, *Бальбинѣ*, которая осталась полумифомъ у старыхъ людей, а молодое поколѣніе о ней почти не знаетъ. Лѣтъ двадцать назадъ были еще пѣсни о Бальбинѣ, но, какъ я ни хлопоталъ, не могъ достать ни одного куплета. Между тѣмъ одинъ старикъ говорилъ, что она жила еще не такъ давно, что онъ зналъ людей, помнившихъ ее, и тутъ же, въ Комаровѣ, указывалъ на ея потомковъ. Послѣдніе однако же, признавая себя дѣйствительно потомками Бальбины, не умѣли мнѣ ничего рассказать объ этой загадочной женщинѣ. Что же это за личность? По преданію она была красавица, иные говорятъ — молдаванка, другіе — русначка, а третьи выводятъ ея происхожденіе изъ Подоліи. Какъ поселилась она въ Комаровѣ и была ли замужемъ — покрыто мракомъ неизвѣстности; ни одинъ, ни другой старикъ мнѣ не рассказывали, но оба согласились, что она мудро правила цѣлой окрестностью и придумывала для нея законы. Однимъ словомъ, Бальбина заслужила такую извѣстность, что люди издалека пріѣзжали къ ней судиться и безропотно покорялись ея рѣшенію. Я замѣтилъ было, что, вѣроятно, жила она при туркахъ, которые не уважали женщину, но рассказы мои стояли на своемъ и полагали,

что Бальбина распоряжалась народомъ и хозяйствомъ такъ, какъ уже никто не распоряжается на свѣтѣ.

— Да кто же она была такая?

— А почему я знаю, отозвался собесѣдникъ постарше:— вѣроятно домна (царица) или что нибудь похожее.

— Какая же, дѣдушка, домна, когда здѣсь долго хозяйничали турки?

— А прежде?

— Тогда какъ же уцѣлѣли бы близкіе потомки?

Старики передали мнѣ два факта, за достовѣрность которыхъ не ручаюсь, но привожу какъ образчикъ судопроизводства Бальбины.

Было лѣто. Бальбина сидѣла на крыльцѣ своего дома и отдыхала отъ дневныхъ занятій. Каждый могъ смѣло приступить къ ней со своими нуждами, и никогда не отказывалась она выслушать просителя. Вотъ видитъ она—человѣкъ стоитъ безъ шапки, словно не осмѣливается войти на дворъ. Бальбина его кликнула:

— Здравствуй, добрый человѣкъ.

— Здравствуйте, ваша милость.

— Ты не здѣшній?

— А не здѣшній, изъ-надъ Прута.

— Куда же Богъ несетъ?

— Былъ въ Хотинѣ на ярмаркѣ, да у меня украли корову, такъ я ищу другія сутки, не могу найти, и мнѣ посоветовали попросить вашу милость.

— Какъ ты думаешь—твоя корова здѣсь, въ селѣ?

— Нѣтъ, сказывалъ одинъ добрый человѣкъ, что угнали ее въ Атаки.

— Да вѣдь у насъ трое Атакъ, и я не знаю въ которыя.

— Стало быть, въ эти, что по сосѣдству.

— Ну, хорошо, если здѣсь, мы отыщемъ твою пропажу. А какой масти твоя корова?

— Черная только съ бѣлой лысинкой на лбу.

Бальбина велѣла запретъ лошадей, взяла просителя и поѣхала въ Атаки. Тамъ какъ разъ гнали скотъ съ поля въ это время.

— Узнаешь ли ты свою корову?

— Нѣтъ, ваша милость, сами видите, все здѣсь сѣрыя, гнѣдыя, пѣгія, а моя черная.

— Такъ. А которая похожа на твою?

— Вотъ идетъ пѣгая, точь въ точь моя.

Бальбина остановила скотъ и послала привезти бочку воды. Народъ не понималъ въ чемъ дѣло. Привезли воду. Бальбина приказала отлупить пѣгую корову и заставила вылить на нее нѣсколько ведеръ. Вдругъ корова изъ пѣгой сдѣлалась черная къ величайшему изумленію своего настоящаго хозяина и къ стыду того, который, укравъ ее, намазалъ мѣломъ бѣлыя пятна. Тогда Бальбина приказала вору возвратить корову, заплатить штрафъ, а самому убраться въ Польшу или къ австріяку.

По преданію это была необыкновенная женщина и, казалось, угадывала, что думаетъ человѣкъ, но ею руководила безграничная справедливость.

»Какъ-то привели къ ней двухъ убійцъ, въ одно время совершившихъ злодѣянія. Комаровскій руснакъ убилъ ея приближеннаго садовника, а конюхъ ея убилъ проѣзжаго еврея. Народъ собрался передъ крыльцомъ, гдѣ находились и преступники подъ стражею. Бальбина вышла и сѣла на своемъ мѣстѣ, окруженная стариками, къ которымъ иногда обращалась за совѣтомъ. Какъ ни привыкли люди видѣть Бальбину справедливою, однако были увѣрены, что конюхъ отдѣлается легкимъ наказаніемъ, а руснакъ, убившій ея садовника, неминуемо подвергнется смертной казни. Прежде всего допросила она конюха, который сперва отпѣкивался, но послѣ признался. Онъ услышалъ, что еврей долженъ былъ везти большую сумму денегъ, и хотѣлъ только ограбить его, но какъ встрѣтилъ сопротивленіе, то и убилъ въ схваткѣ.

— А много ли ты нашелъ у него денегъ? спросила Бальбина.

— Пять левовъ (50 коп.).

— Хорошо. Дожидайся.

Призвали къ допросу другаго убійцу. Этотъ прямо разсказалъ, въ чемъ дѣло, и тотчасъ же принесъ повинную.

— Что-жь, сказалъ онъ: — садовникъ давно уже ухаживалъ за моею женой, а долго ли соблазнить молоденькую женщину. Я бѣднякъ, постоянно на работѣ, иной разъ возвращаюсь измученный домой и думаешь повечерять да отдохнуть, а тутъ — смотри — торчитъ садовникъ. Ну, я ничего не говорилъ женѣ, я знаю, она меня любитъ, потому что мы дѣтьми играли вмѣстѣ и побрались по согласію. Опять же скажу, если къ молодикѣ приставать безпрестанно, когда мужа нѣтъ дома, а пристааетъ красивый хорошо одѣтый парень — не ровень часъ и до грѣха недалеко. Думалъ я, ду-

малъ и говорю садовнику: »Знаешь что, Матвѣй, есть много въ селѣ хорошенькихъ дѣвушекъ, увивайся ты за ними, брось мою жену, не то будетъ худо«. Онъ замаялся, а послѣ и спрашиваетъ:— »А что же будетъ?«— »А вотъ что, говорю, первый разъ, что застану тебя съ нею, размозжу тебѣ голову — мнѣ уже надоѣло... Дня три Матвѣй не приходилъ, жена сама рада, по крайности мнѣ такъ она говорила. Возвращаюсь вчера изъ поля, въ сумерки, и заглянулъ въ окно. Печка топится. На столѣ стоитъ око водки, жена сидитъ, пригорюнившись, а Матвѣй разсыпается передъ нею и упрашиваетъ... У меня въ глазахъ помутилось, я въ сѣни, схватилъ *барду* (топоръ), потомъ вошелъ въ хату, взялъ, да и раскроилъ ему голову. Вотъ и все.

Бальбина встала со своего мѣста и сказала:

— Человѣкъ, который убилъ моего садовника, не виновать. Пусть похоронить на свой счетъ убитаго и идетъ на годъ въ монастырь на покаяніе. А конюхъ мой загубилъ душу, хоть и нехристіанскую, изъ корысти — и долженъ быть наказанъ примѣрно. Возьмите его, дайте время помолиться и на *шибеницу* (висѣлицу).

Вотъ два факта, которые удалось мнѣ собрать объ этой загадочной женщинѣ. Въ Хотинѣ есть докторъ, онъ говорилъ мнѣ, что слышалъ въ честь нея пѣсни, но не могъ сообщить никакой подробности. Въ селеніяхъ ниже мнѣ напротивъ рассказывали, что она жила не такъ давно и что всѣ преданія о ней просто выдумка. Впрочемъ, это мнѣніе не простолюдиновъ. Желая узнать о ней еще кое-что, отправился я къ управляющему имѣніемъ, племяннику помѣщицы, который жилъ въ Комаровѣ полновластнымъ господиномъ. Онъ принялъ меня какъ гостя, но разговоръ у насъ не клеился. На расспросы мои о Бальбинѣ онъ сказалъ, что подобныя бабьи розказы его не занимаютъ, а распространялся о томъ, какіе негодяи комаровскіе царане, какъ лѣниво работаютъ и сколько съ ними неприятностей. Съ первыхъ же словъ я замѣтилъ съ какой личностью имѣлъ дѣло. Когда я удовлетворилъ его любопытство относительно своего порученія и объявилъ, что нигдѣ не состою на службѣ, собесѣдникъ мой началъ болѣе откровенничать. Онъ принадлежитъ къ числу недовольныхъ существующимъ порядкомъ и хоть соглашается, что бессарабскій владѣлецъ, въ силу постановленій, лицо довольно нестѣсненное; однако прежде было гораздо лучше.

— Помилуйте, сказалъ онъ мнѣ:—какой я помѣщикъ, ко-

гда для того, чтобъ высѣчь хорошенько какого нибудь мерзавца, долженъ обращаться къ сельскому или волостному начальству. Разумѣется, его высѣкутъ, да за это надо платить. Ово, конечно, я имѣю право дать царанину нѣсколько ударовъ, но ему это все равно, что по головкѣ погладить: и бестіи не проймешь, и сердца не сгонишь. Случается, что считаешь пять разъ, а дашь пятьдесятъ, но согласитесь, что донесетъ какая нибудь шельма, а тамъ изволь оправдываться.

Я тотчасъ же ушелъ послѣ этого монолога, несмотря на предстоявшій ужинъ, который могъ соблазнить меня послѣ весьма скромнаго обѣда.

На другой день приходили ко мнѣ жаловаться два сильно и, конечно, незаконно высѣченные царанина, но я могъ только пожалѣть о бѣднякахъ и объявилъ, что не имѣю никакого права мѣшаться ни въ какія мѣстные распоряженія. Частнымъ образомъ я писалъ земскому начальнику. Онъ порядочный человѣкъ и, надѣюсь, постарался положить предѣлъ вопіющему безправію; но что можетъ сдѣлать самый благонамѣренный чиновникъ тамъ, гдѣ гнусное крѣпостное право съумѣло сдѣлать себѣ лазейки и пустило отпрыски отъ срубленнаго, но не уничтоженнаго съ корнемъ дерева.

Въ послѣдній проѣздъ мой, въ половинѣ сентября, когда лѣтній зной, не исчезнувъ совершенно, утратилъ однако же большую часть силы, а осенняя прохлада начинала вступать въ свои права, прогулки мои съ ружьемъ въ поля и по берегу доставляли чистое наслажденіе. Обыкновенно меня сопровождалъ кто нибудь изъ туземцевъ, и мнѣ случалось проводить весь день вдали отъ своего кочевья и питаться мамалыгой. Однажды старикъ, сидѣвшій со мной на береговой скалѣ, рассказалъ мнѣ, что въ мѣстечкѣ Студеницѣ, на той сторонѣ Днѣстра, есть большая пещера. По его словамъ пещера эта была съ древности выкопана чертями, которые хотѣли устроить въ ней *некло* (адъ), но какой-то благочестивый отшельникъ поселился вблизи и разогналъ нечистую силу. Подобное преданіе не могло не соблазнить меня, и я рѣшился на другой же день, съ разсвѣтомъ, посѣтить Подолію. Собираясь пораньше лечь спать, я однако же пробѣжалъ польскіе источники и нашелъ слѣдующее описаніе:

»Студеница окружена рѣчкою того же имени, впадающею тутъ же въ Днѣстръ. Какъ многолюдно долженствовало быть мѣстечко, явствуетъ изъ того, что жители его три дня сопротивлялись сильному войску Аббаса-паши въ концѣ октября

1633 г., который, потерявъ тысячу человекъ, овладѣлъ однако-жь Студеницей и, разграбивъ, сжегъ ее. Съ похвалою упоминаеть объ этой защитѣ постановленіе сейма 1635 г.: »Такъ какъ вновь поселенное мѣстечко Станислава Потоцкаго, воеводы брацлавскаго, сожжено и разорено до основанія непріятелемъ, а жители, сопротивляясь, убили много враговъ; такъ какъ теперь жителямъ предстоятъ большіе труды при постройкѣ, — то, желая поощрить ихъ, освобождаемъ отъ всякихъ податей на восемь лѣтъ«. Владѣлецъ съ своей стороны далъ жителямъ многія льготы. Вскорѣ поселились здѣсь достаточныя купцы изъ армянъ, грековъ и валаховъ, у которыхъ были свои церкви. Дома ихъ, по азіатскому способу, строились въ два яруса, а каменные хорошо защищенные ворота охраняли въѣздъ въ мѣстечко. Два парома на Днѣстрѣ облегчали сообщеніе съ Молдавіей, откуда прибывали люди и товары на знаменитыя ярмарки. Моровая язва 1770 г. много уничтожила населенія, и одновременно безпокойство въ краю было причиною упадка Студеницы, пользуясь чѣмъ, евреи большіе и больше начали поселяться въ мѣстечкѣ. Новый владѣлецъ Станиславъ Садовскій, староста Ушицкій, опять оживилъ мѣстную торговлю, исключотавъ привилегію 18 апрѣля 1774 г. на открытіе двухъ двухнедѣльныхъ и одной трехнедѣльной ярмарки. Положеніе мѣстечка въ долинѣ весьма удобно. Оно окружено съ трехъ сторонъ каменистыми перпендикулярными утесами и славится садами и плодами. Съ сѣвера лежитъ гора *Гороховая*, съ востока *Бѣлая*, заключающая огромную пещеру съ нѣсколькими отдѣленіями, въ которой могли помѣщаться 15,000 человекъ; въ тянущейся съ запада горѣ *Монастырище* видны слѣды древняго монастыря, гдѣ сохранялся чудотворный образъ Божіей Матери, къ которому приходили богомольцы изъ отдаленныхъ мѣстъ и даже изъ Молдавіи и Валахіи. На этой же высокой горѣ есть родникъ, незамерзающій въ самые сильные морозы«. (Starożytna Polska, T. II, стр. 953—954).

Исторія подтверждаетъ преданіе относительно пещеры, подумалъ я, и предался различнымъ предположеніямъ. Погода мнѣ благопріятствовала. Чазу въ пятомъ утра хозяинъ разбудилъ меня, и я, уложивъ себѣ въ дорожную сумку разныхъ припасовъ, отправился въ сопровожденіи молодого русака къ Днѣстру съ намѣреніемъ переправиться въ лодкѣ на ту сторону. Когда мы начали спускаться по крутой тропинкѣ, картина была великолѣпна, потому что восходившее солнце

ударяло прямо на этот откосъ, и въ то время, какъ оврагъ покрывался тѣнью, многіе сады, утесы и часть Днѣстра облиты были тонкимъ и яркимъ блескомъ. Оказалось, что проводникъ мой ошибся и повелъ не по той дорогѣ; намъ слѣдовало идти на Атаки и тамъ переправиться, а мы взяли вправо и очутились противъ деревни Бакоты, извѣстной тоже въ польскихъ источникахъ (у Стрыйковскаго) какъ одинъ изъ древнѣйшихъ замковъ на Подоли. Неудача эта однако же меня не смутила, и я рѣшился добратся во что бы то ни стало до Студеницы, тѣмъ болѣе, что день обѣщаль быть погоднымъ, а я привыкъ переходить пѣшкомъ безъ устали большія разстоянія. Деревенскій людъ давно уже поднялся и выходилъ на работы, пастухи сидѣли по утесамъ и, собираясь въ группы, словно не заботились о стадахъ своихъ, которыя, разбредясь между камней, щипали убогую траву.

— Какъ же быть, спросилъ я проводника: — неужто снова подыматься на гору?

— Берегомъ идти далеко. А, позвольте, не достану ли я човна, мы поѣдемъ.

— Дѣло, только захвати два весла, вѣдь намъ плыть противъ теченія.

— Сидите же на берегу, я сбѣгаю; можетъ быть достану, если дядько не уѣхалъ на рѣку. А не то мы увидимъ его и попросимъ.

Молодой парень буквально побѣжалъ на гору, несмотря на то, что до вершины было около двухсотъ сажень, и скоро возвратился съ лопаткой, замѣняющей здѣсь весло, и съ извѣстіемъ, что дядько рыбальчитъ на Днѣстрѣ и если не у него, то у кого нибудь мы добудемъ лодку за литру—другую горѣлки. Дѣйствительно, поворотивъ за утесъ, мы увидѣли нѣсколько челноковъ, сновавшихъ по рѣкѣ вблизи берега. Проводникъ мой обратился къ дядькѣ и вступилъ съ нимъ въ переговоры. Старый руснакъ, обезкураженный плохимъ уловомъ, охотно ссудилъ намъ челнокъ и очень обрадовался, когда я посулилъ ему два лева (20 к.). Но что это за лодки на Днѣстрѣ! ни на одной рѣчонкѣ, даже на прудахъ, не удавалось мнѣ видѣть подобной неуклюжей конструкціи, и если принять въ соображеніе быстроту рѣки и трудности, съ которыми приходится бороться пловцу, то нельзя не удивляться, какимъ образомъ береговые жители не перемѣняютъ этой первобытной формы. Плоскодонное четырехугольное корыто, въ которомъ съ трудомъ помѣщаются два человѣка,

неуклюжее и медленное на ходу, не въ состояніи справиться не только съ волнами въ свѣжую погоду, но и съ обыкновеннымъ теченіемъ. Вода была довольно низкая, и я рѣшился поплыть вверхъ по рѣкѣ, свѣвъ на одинъ конецъ (корма и носъ не отличаются ничѣмъ) съ лопаткой на мѣсто рулеваго. Пространство было такъ мало, что ружье принужденъ былъ я оставить на перевязи за спиною.

— Ну, что, мой, обратился я къ старому рыбаку: — какъ думаешь — доплывемъ мы до Студеницы?

— А, можетъ, и доплывете, только держитесь нашего берега.

— Да умѣетъ ли грести малый?

— Умѣть-то умѣетъ, а, если вы не будете помогать, то васъ отнесетъ внизъ. Я самъ повезъ бы, да наморился.

— Ну, прощай!

— Прощайте! а ты, мой, обратился онъ къ парню: — смотри, не утопи пана, да береги весла, чтобъ не украли въ Студеницѣ.

— Я только боюсь, чтобъ не наткнуться гдѣ нибудь на камень, а-то надѣюсь не утопить, мнѣ вѣдь не первый разъ. Весла положу подъ голову и лягу на нихъ спать.

— Такъ, такъ, а все осторожность не мѣшаетъ. Съ Богомъ!

Мы отвалили. Привыкнувъ нѣсколько къ днѣпровскому челноку-душегубкѣ, я съ трудомъ справлялся съ четырехугольнымъ корытомъ, на которомъ чрезвычайно трудно подниматься противъ теченія. Но это было сначала, а, когда мы обогнули мысъ, у лѣваго берега струя оказалась не такъ сильна, и мы часа черезъ полтора пристали къ Студеницѣ.

Мѣстечко, какъ вообще всѣ мѣстечки въ западныхъ губерніяхъ, состоитъ изъ рынка, обстроеннаго еврейскими домами, и нѣсколькихъ десятковъ крестьянскихъ хатъ, которыя, впрочемъ, здѣсь окружены тѣнистыми и густыми садами. На этотъ разъ меня занимала не жизнь Студеницы, а ея древности, и потому я поспѣшилъ уйти съ рынка, гдѣ толпы евреевъ предлагали мнѣ самыя лучшіе товары. Имѣя однако-жъ въ виду остаться въ пути довольно долго и выйдя изъ дому безъ завтрака, я зашелъ въ первый заѣздный домъ и кликнулъ хозяина. Съ евреями имѣть дѣло потому хорошо, что за деньги они исполняютъ все, что только въ ихъ власти, и не задумаются надъ вашимъ требованіемъ,

какъ бы ни было оно эксцентрично, и, наконецъ, чѣмъ оно эксцентричнѣе, тѣмъ еврей веселѣе, потому что рассчитываетъ на большее вознагражденіе. Вспомнивъ, что на верху одной горы долженъ быть удивительный родникъ чистой воды, я обратился къ еврею съ вопросомъ, что возьметъ онъ, если пошлетъ за мной самоваръ и приборъ за мѣстечко, куда нибудь на окрестныя горы. Еврей почесалъ за ухомъ.

— И углей надо? спросилъ онъ.

— Разумѣется, и углей.

Онъ подумалъ.

— Это будетъ стоить — послѣднее слово — три злота (45 к.). Еслибъ вы велѣли поставить здѣсь, я взялъ бы 40 грошей (20 к.), а за мѣстечко надо отпустить больше угля, да и послать мальчика.

— Хорошо.

— Ужъ вы, панъ, дайте малому сколько нибудь.

— Это мое дѣло, пусть только собирается поскорѣе.

Руснакъ мой, остававшійся на берегу, увидѣлъ своего односельца, зачѣмъ-то пріѣхавшаго въ Студеницу, поручилъ ему лодку съ веслами и присоединился ко мнѣ, любопытствуя побывать въ пещерѣ. Мы запаслись съѣстнымъ и бутылкой водки и отправились вдоль улицы по указанію еврея къ одной хатѣ, гдѣ могли взять проводника по окрестности. Съ окончаніемъ еврейскихъ домовъ кончилась нечистота и потянулись малорусскіе заборы, за которыми изъ огородовъ и садовъ торчали сорныя травы и на которыхъ тамъ и сямъ, словно шпалеры, висѣли ползучіе стебли тыква кое-гдѣ съ запоздавшимъ золотистымъ цвѣткомъ и оригинальными плодами. Въ иномъ мѣстѣ цѣлыя группы стройныхъ разноцвѣтныхъ мальвъ и высокихъ подсолнечниковъ выглядывали на дорогу. На сквозныхъ воротахъ покачивались дѣти и оглашали улицу веселымъ пискливымъ смѣхомъ. Проводника мы отыскали легко и черезъ четверть часа подходили къ горѣ съ знаменитой пещерой. Скала почти отвѣсная, но есть тропинки, такъ что мы безъ труда достигли до отверстія. Пещера дѣйствительно большая, съ отдѣленіями, но, чтобы въ ней могло помѣститься пятнадцать тысячъ — чистѣйшая фантазія. Никакого нѣтъ сомнѣнія, что служила она убѣжищемъ во время нападенія враждебныхъ народовъ; но рыть ее было не легко, потому что приходилось трогать каменную почву.

— Что же это за пещера? спросилъ я проводника: — кѣмъ она выкопана?

— А кто его знает! Говорять, турокъ, а, можетъ, и наши. Дѣло было давно, покойникъ-отецъ сказывалъ, что, сколько запомнить, она была такая.

— А я слышалъ, будто черти хотѣли здѣсь устроить пекло?

— Можетъ быть. Гдѣ вы слышали?

— Въ Комаровѣ.

— Ну, въ Комаровѣ брешутъ хорошо, а вотъ мы, здѣшніе старожилы, ничего не слыхали.

Комаровскій мой руснакъ смѣшался и покраснѣлъ.

— Пекло здѣсь не съ руки, продолжалъ проводникъ:— извѣстно, черти пекутъ людей въ смолѣ, а смола у насъ дорога — гдѣ бы они ее набрали? Атъ, плетутъ небылицы отъ нечего дѣлать!

На стѣнахъ я не нашелъ никакого слѣда древностей и только въ глубинѣ одной ниши что-то вродѣ жертвенника. Въ другой горѣ, гдѣ, по преданію, былъ монастырь, проводникъ показывалъ, гдѣ стояла церковь съ чудотворной иконой, и при этомъ отвелъ за ухо жиденка, полѣзшаго осматривать грубые кресты, высѣченные въ скалѣ, »щобъ бісова невіра не поганила святощей«. Оставалась криница (источникъ), куда я и поспѣшилъ въ надеждѣ напитаться отличнаго чая, запасъ котораго имѣлся у меня въ дорожной сумкѣ. Я отдалъ проводнику и лодочнику бутылку водки въ полное распоряженіе, а самъ съ евреемъ занялся самоваромъ. Солнце поднялось довольно высоко, и съ вершины горы представлялась чудная панорама. Подъ нами, надъ мѣстечкомъ, висѣлъ дымъ, который, бывъ прорѣзанъ лучами, принялъ видъ янтарнаго облака. Самоваръ мой закипѣлъ живо; я сдѣлалъ чай, налилъ стаканъ и, закуривъ сигару, усѣлся на утесѣ наслаждаться прелестнымъ видомъ и свѣжимъ горнымъ воздухомъ. Мимо пролегала дорога и уходила въ глубину края змѣистой желтой полосой между перелѣсками, за которыми тамъ и сямъ блестяли кресты церквей и виднѣлись помѣщичьи усадьбы. По этой дорогѣ изъ-за рощи показалась небольшая толпа мужчинъ и женщинъ—душъ десять, и, когда подошла ближе, можно было по костюму признать богомольцевъ, которые возвращались изъ Кіева или изъ Почаева. Все это были, вѣроятно, окрестные поселяне, обвѣшанные разными котомками. Впереди ихъ бодро шель высокій мужчина съ необыкновенно большими распущенными волосами, въ длинномъ кафтанѣ, подпоясанный широкимъ кожанымъ ремнемъ,

и въ остроконечной шапкѣ, опираясь на длинную палку, на которой сверху была привѣшана высушенная тыква, употребляемая для воды въ дорогѣ. Богомольцы шли, понуривъ головы, какъ видно, утомленные дальнимъ путемъ, а господинъ съ распущенными волосами зорко посматривалъ по сторонамъ и замѣтилъ нашу небольшую группу. Остановясь и закрывъ глаза рукою отъ солнца, онъ долго, повидимому, не понималъ, что мы дѣлали, но потомъ, должно быть, разглядѣлъ и, указавъ своимъ спутникамъ на мѣстечко, самъ полѣзъ къ намъ на скалу такъ быстро, какъ будто ноги его не чувствовали никакой усталости. Когда однако же очутился онъ передъ нами, то запыхался до того, что не могъ перевести духъ и только, снявъ шапку, перекрестился.

— Хлѣбъ да соль! молвилъ онъ наконецъ, озирая насъ внимательно.

— Милости просимъ, отвѣтилъ я по обычаю.

— А нельзя ли одолжить стаканчикъ водицы?

— Садитесь, отдохните и выпейте чая.

— Благодарствуйте! у васъ вѣдь сахаръ скоромный.

— Какъ скоромный?

— Извѣстно, дѣланъ на костяномъ углѣ. Мы не употребляемъ — грѣшно, сегодня пятница. А! позвольте, у меня есть кусочка два, что подарилъ отецъ Харлампій; можетъ быть знаете?

— Нѣтъ, не знаю.

— Въ Почаевѣ.

— Какъ угодно, вотъ вамъ чай безъ сахара; коли не хотите моего, пейте со своимъ.

— Да спасетъ васъ Богъ, ваше благородіе, или, можетъ быть, ваша милость — купцы?

— Что за церемоніи! Всѣ люди божіи. Не угодно ли хлѣба?

— Можетъ, скоромный?

— Вотъ этого не знаю.

— Еслибы милость ваша одолжили бы ромцу немножко.

— Очень жалѣю, что нѣтъ.

— А вонъ бутылка.

— Это съ водкой.

— Ничего, я, знаете, этакъ прежде подкрѣплю силы.

И богомольецъ потянулся за бутылкой. Проводнику, видимо, не понравился этотъ жестъ, но онъ пододвинулъ бутылку и счелъ обязанностью извиниться въ неимѣніи чарки.

— Можно и безъ чарки — душа мѣру знаетъ, отозвался

дюжій дѣтина и, приставивъ горлышко къ губамъ, началъ втягивать живительную влагу. Оказалось, что онъ отпилъ порядочно.

— Теперь можно, ваше благородіе, и чайку, молвилъ онъ, побрякивая.

Я налилъ ему стаканъ, онъ вынулъ изъ кармана кусочекъ обгрызаннаго, выпачканнаго сахара и началъ пить въ прикуску. Это былъ атлетъ. На загорѣломъ лицѣ его пробивался румянецъ здоровья, а шея такого объема, что «хоть ободья гни» по малорусскому выраженію.

— Вы изъ духовныхъ? спросилъ я его, желая ближе познакомиться съ этой личностью.

— Не сподобилъ Богъ, отвѣтилъ онъ, пуская глаза кверху: — еще недостойнъ, еще мало трудился.

— А какого рода были ваши труды?

— Малые, малые по грѣхамъ моимъ. Одинъ только разъ сходилъ къ Митрофанію, два раза въ Кіевъ и вотъ только теперь удостоился быть въ Почаевѣ, а сколько еще святынь! Я и въ Соловки пойду, и буду въ Іерусалимѣ. Но весною въ нынѣшнемъ году я трудился.

— Гдѣ?

— Въ — скомъ монастырѣ. Я прихожу туда и дѣйствую какъ послушникъ. Тамъ одинъ старецъ наложилъ на меня тяжкій искусъ. Каждый день, послѣ ранней обѣдни, беру топоръ и отправляюсь рубить каменную гору, работаю иногда до поздней обѣдни, а послѣ трапезы до вечерень и такъ умаешься, что жилы тянетъ.

— Для чего же это?

— Во славу божію.

— Я тутъ не вижу ничего угоднаго Богу. Мнѣ кажется, еслибы вы нарубили дровъ, скопали огородъ какому нибудь бѣдному семейству или сдѣлали другое полезное дѣло, это было бы для Бога гораздо пріятнѣе.

— Помилуйте, ваше благородіе, это уже мірское, и выходитъ всяческая суета по писанію.

— У васъ есть родные?

— Есть престарѣлые родители.

— Кто же ихъ присматриваетъ?

— Добрые люди, потому что я у нихъ единственный сынъ.

— Вотъ вы и потрудились бы для нихъ, а-то оставили...

— А что же дѣлать! Съ малолѣтства плѣнился я монастырскимъ житьемъ, забываю все мірское и умерщвляю плоть...

Я невольно посмотрѣлъ на его толстую шею и жирныя руки.

— А гдѣ же бутылка? обратился онъ къ моему проводнику.

— Сегодня, паноча, пятница, отвѣтилъ тотъ иронически:— можетъ быть, грѣхъ; вѣдь вы уже выпили, надо и намъ по трудахъ.

— Не кощунствуй и не обижай челоуѣка божія. Ты не знаешь вѣрно, какъ сказано въ писаніи: »не то скверная, что входитъ во уста«...

— Однако вы не хотите пить чай съ панскимъ сахаромъ, хоть въ немъ нѣтъ никакого скорома.

— Не богохульствуй, окаянный, а подай мнѣ бутылку. Дозвольте, ваше благородіе!

— Отдайте, братцы, горѣлку, я вамъ куплю въ мѣстечкѣ.

Богомолецъ снова приложился къ бутылкѣ и на этотъ разъ выпилъ до капли. Послѣ этого, развернувъ котомку, онъ вынулъ пузырекъ.

— Не благоугодно ли вамъ водицы изъ живоноснаго почаевского источника; по вашей добродѣтели я уступлю вамъ за 2 злота (30 к.).

— Благодарю васъ, мнѣ не нужно.

— Вы развѣ иновѣрецъ, сирѣчь неправославный?

— Нѣтъ я православный.

— Значить, изъ нонѣшнихъ, невѣрующихъ?

— Да, изъ невѣрующихъ въ эти пузырьки, потому что видѣлъ не разъ, какъ подобные вамъ господа брали воду изъ колодезей при мнѣ и продавали ее за іорданскую.

— Есть всякіе люди, ваше благородіе, а у насъ обмана не бываетъ. Извольте, уступлю за сорокъ грошей (20 к.).

— Оставьте лучше у себя, авось кто нибудь дастъ дороже.

— Въ такомъ случаѣ пожертвуйте что нибудь и скажите свое имя: я поставлю за васъ свѣчу въ Лядовой.

— Благодарю, я и самъ поставлю.

— Вѣдь это для Господа Бога.

— Вотъ вы сами богохульствуете, а другихъ упрекаете. Развѣ Богъ требуетъ денегъ? Развѣ ему угодна молитва, которую вы проговорите, взявъ съ меня нѣсколько грошей? Развѣ, наконецъ, я самъ не умѣю помолиться, можетъ быть, лучше васъ?

— Да какъ же, ваше благородіе, говорилъ сконфуженный богомолецъ:— другіе великіе господа-паны снабжаютъ насъ...

— Это дѣло другое. Если вы не хотите работать и кормить родителей, если вы отказались отъ міра, то просите подаянія, но не кощунствуйте, не требуйте денегъ на свѣчи, на молитвы, не продавайте воды, которая вамъ ничего не стоитъ, и не обманывайте народъ. Это грѣхъ передъ Богомъ, бѣльшій, чѣмъ сѣсть кусочекъ свекловичнаго сахара, гораздо бѣльшій, нежели выпить бутылку водки, какъ вы сейчасъ сдѣлали.

Атлетъ смѣшался окончательно. Онъ началъ собирать свою котомку и посматривалъ вокругъ изподлобья.

— Видно близко кончина міра, сказалъ онъ, закидывая за плечи свои огромныя космы волосъ:—мало того, что намъ не помогаютъ, а еще издѣваются...

— Сами виноваты.

— Нечего и говорить больше. Благодаримъ за угощеніе. Такъ ничего не пожертвуете?

Я подаль нѣсколько мѣдныхъ денегъ. Богомолецъ потрясъ ихъ на рукѣ и спустилъ въ карманъ съ видомъ, доказывавшимъ обманутое ожиданіе.

— А позвольте васъ спросить: для чего сопутствуетъ вамъ сей жидовинъ? обратился онъ ко мнѣ мрачно.

— Сей жидовинъ принесъ самоваръ изъ Студеницы и ожидаетъ мздовоздаянія.

— Такъ. Все роскошь, чревоугодіе. Да, сбывается писаніе. Значить, больше не пожертвуете, ваше благородіе?

— Нѣтъ, не пожертвую.

— Ну, прощайте! Мнѣ пора. А право сказали бы свое имя, я включилъ бы...

— Не беспокойтесь.

Богомолецъ поспѣшилъ спуститься со скалы и быстро пошелъ въ мѣстечко. Проводникъ взялъ бутылку, опрокинулъ довышкомъ вверхъ и улыбнулся.

— Гладко пье! проговорилъ онъ: — хоть би тоби каплю (каплю) оставивъ!

— Ну, ничего, я куплю вамъ око.

Такимъ образомъ пріятная прогулка моя была испорчена, и я ранѣе, чѣмъ думалъ, отправился изъ Студеницы. Обратный путь намъ внизъ по рѣкѣ былъ незатруднителенъ, и мы безъ приключеній достигли комаровскаго берега.